

ДАНИЭЛА СТИЛ

Все
ТОЛЬКО
хорошее

Даниэла Стил

Все только хорошее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122964

Даниэла Стил. Все только хорошее: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-41124-5

Оригинал: DanielleSteel, "Fine Things"

Перевод:

Александр А. Чех

Ольга Воейкова

Аннотация

Все складывается удачно в жизни преуспевающего бизнесмена Берни Файна: стремительная карьера, счастливый брак, очаровательные дети. Но один поворот неумолимого колеса судьбы и все рушится в один миг.

Берни не сразу находит в себе силы вернуться в привычный жизненный ритм, но все-таки он начинает новый раунд борьбы за счастье. Всего себя он отдает работе и воспитанию детей и оказывается вознагражденным: любовь возвращает Берни способность радоваться жизни и стремление к успеху.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	45
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Даниэла Стил

Все только хорошее

Глава 1

Добраться до перекрестка Лексингтон-авеню и Шестьдесят третьей улицы было непросто. Ветер выл, заметая снегом машины, стоявшие у обочин. Сдавшиеся автобусы, сошедшиеся замерзшими динозаврами в районе Двадцать третьей, время от времени отваживались покинуть стадо, неуклюже двигаясь по дорожкам, оставленным снегоочистителями, подбирая редких путников, что, размахивая руками, вырывались из теплых парадных, скользили по тротуарам, пробираясь через сугробы, и наконец забирались в автобус – глаза влажные, лица красные, а у Берни так и вовсе – вся борода в льдинках.

О такси и речи быть не могло. Простояв на Семьдесят девятой улице минут пятнадцать, Берни направился в южном направлении. Он частенько ходил на работу пешком. Идти всего ничего – восемнадцать кварталов: Мэдисон-авеню, Парк-авеню, а потом по Лексингтон-авеню направо. Он прошел четыре квартала и решил, что на таком ветру гулять все-таки не стоит, тем более что какой-то сердобольный швейцар позволил ему дожидаться автобуса в вестибюле, что Берни и сделал. Таких смельчаков, как он, было немного, здравомыслящая публика почла за лучшее остаться дома, решив, что в такую погоду ни о какой работе речь идти не может. Берни нисколько не сомневался, что пусто будет и в магазине. Однако он был не из тех, кто любит сидеть дома, предаваясь безделью или тупо глядя в телевизор.

Никто не заставлял его целыми днями пропадать на работе. Он проводил на ней шесть дней в неделю, появляясь там и тогда, когда от него этого не требовалось, как было, скажем, сегодня. Просто Берни любил магазин. Восемь этажей «Вольфа» делали его жизнь осмысленной. Этот год был очень важным. Они представляли семь новых серий, четыре из которых велись лучшими европейскими модельерами, – американские магазины готовой одежды ожидало очередное изменение моды. Именно об этом он думал, глядя из окна автобуса на занесенные снегом улицы. Он не видел ни сугробов, ни людей, бегущих к автобусу, ни того, во что они одеты. Его внутреннему взору представлялись весенние коллекции, виденные им в ноябре в Париже, Риме и Милане, ему вспоминались блистательные манекенщицы, выплывавшие на подиум дорогими куклами. Он лишний раз порадовался тому, что решил пойти на работу. Ему хотелось взглянуть на манекенщиц, подготовленных к большому показу, который должен был состояться на следующей неделе. Он принимал участие в обсуждении моделей, теперь же хотел увериться в том, что и манекенщицы подобраны правильно. Бернару Файну нравилась любая работа – от проведения калькуляций и покупки тканей до подбора моделей и утверждения формы пригласительных билетов, рассылавшихся почетным клиентам. Это были части единого целого. Здесь все имело значение. В каком-то смысле работа у «Вольфа» мало чем отличалась от работы в таких компаниях, как «Юнайтед Стейтс стил» или, скажем, «Кодак». Они торговали неким продуктом, точнее, неким набором продуктов, специфика которого определяла специфику работы.

Скажи ему кто-нибудь пятнадцать лет назад, в ту пору, когда он играл в футбол за команду Мичиганского университета, что его будут волновать такие вещи, как нижнее белье манекенщиц и проблемы показа ночных рубашек, он бы долго смеялся или, скорее, дал бы обидчику по зубам. Теперь это казалось ему смешным; сидя на восьмом этаже в своем огромном офисе, Берни порой вспоминал о прошлом, и оно неизменно вызывало в нем улыбку. В течение первых двух лет, проведенных им в Мичигане, его интересовало буквально все, затем он избрал себе нишей русскую литературу. Достоевский был героем первого семестра

его юниората, соперничать с ним мог только Толстой, которому, в свою очередь, почти не уступала Шила Борден. Шилу он встретил в первом русском классе, куда его привело стремление научиться читать русских классиков в подлиннике, ибо читать их в переводе означало не знать их. Он прошел интенсивный курс языка по Берлицу и теперь мог спросить по-русски – где находится почта или, скажем, уборная, как ему найти свой поезд и так далее, при этом акцент Берни крайне изумлял его учителя. И все же первый класс русского согрел ему душу. То же произошло и с Шилой Борден. Она сидела в первом ряду, прямые черные волосы романтично (так казалось Берни) ниспадали до пояса, тело ее было упруго и гибко. В русский класс ее привела любовь к балету. Она танцует с пяти лет, сказала она Берни во время первого их разговора, понять же балет, не поняв русских, – невозможно. Она была слабонервной, впечатлительной и наивной, но тело ее, эта поэма соразмерности и грации, очаровало Берни, когда на следующий день он увидел Шилу танцующей.

Она родилась в Хартфорде, штат Коннектикут; отец ее работал на банк, что, по мнению Шилы, было уделом плебеев. Она мечтала о жизни, исполненной терзаний: мать в инвалидной коляске... больной туберкулезом отец, умерший вскоре после ее рождения... Познакомься они годом раньше, Берни смеялся бы над ней. Теперь, когда ему было двадцать, он относился к ней крайне серьезно, ведь она, помимо прочего, была потрясающей танцовщицей. Стоило ему приехать домой на каникулы, он тут же заявил об этом матери.

– Она еврейка? – спросила мать, как только услышала имя Шилы. Это имя казалось ей скорее ирландским, фамилия же и вовсе звучала устрашающе – Борден. Конечно, Борден могло быть производным от Бордмане или Берковича, что было хоть и низко, но все же приемлемо. С подобными вопросами мать приставала к Берни едва ли не с детства и уж, во всяком случае, еще до того, как его стали интересовать девушки. Она интересовалась всеми его знакомыми. «Он еврей?.. А она? Ты не знаешь девичьей фамилии его матери? Бар-мицва он отмечал?.. Так чем, говоришь, занимается его отец? Но разве она не еврейка?» Казалось, евреями были все. По крайней мере, все знакомые Файнов. Родители хотели отправить его в Колумбийский или даже в Нью-Йоркский университет. Нужно как-то переключиться, говорили они. Мать пыталась настоять на этом, но он сумел-таки отбить все ее атаки и поехал не куда-нибудь, а в Мичиганский университет. Он был спасен! Он оказался в Царстве Свободы, населенном сотнями голубоглазых блондинок, никогда не слышавших ни о фаршированной рыбе, ни о кнышах и понятия не имевших о том, когда именно бывает еврейская Пасха. Скарсдейлские девицы, по которым сходила с ума его мамаша, к тому времени успели изрядно поднадоесть ему, и поэтому переезду он был рад вдвойне. Он хотел чего-то нового, неизведанного, может быть, даже запретного. Олицетворением всего этого была Шила, поражающая его своими черными как смоль косами и огромными черными глазами. Она приносила книги неведомых ему русских писателей, и они читали их вместе – в переводе, разумеется. Во время каникул Берни пытался обсуждать эти книги с родителями, но тема эта их ничуть не интересовала.

– Твоя бабушка была русской. Если уж ты так хотел изучать русский, тебе нужно было учиться у нее.

– Это разные вещи. К тому же она говорила только на идиш...

Здесь Берни обычно замолкал. Что он ненавидел, так это спорить с ними. Мать могла спорить о чем угодно. Спор был основой ее жизни, ее величайшей радостью, ее любимым развлечением.

– Нельзя говорить о покойных неуважительно!

– Разве я говорю неуважительно? Просто я сказал, что она постоянно говорила на идиш...

– Она умела говорить и на прекрасном русском! И вообще – зачем тебе это? Надо посещать научные классы... Сегодня в этой стране нужно изучать... экономику.

Она хотела, чтобы Берни стал доктором, как отец, или, на худой конец, адвокатом. Его отец был хирургом-отоларингологом, одним из известнейших специалистов в своей области. Никогда, даже в детстве, Берни не хотелось последовать примеру отца, хотя он очень любил его. Врачом он становиться не хотел, что бы там ни говорила ему мать.

– Русский? Кто, кроме коммунистов, говорит на русском? Разве что твоя Шила Борден...

Берни в отчаянии посмотрел на мать. Она все еще выглядела интересной. Ему никогда не приходилось краснеть из-за того, что с ней или с отцом что-то было не так. Его отец, высокий, сухощавый седовласый человек, обычно казался рассеянным, взгляд его темных глаз был устремлен в никуда. Он любил свою работу и постоянно думал о своих пациентах. И все же Берни знал: отец готов помочь ему в любую минуту. От матери Берни унаследовал зеленые глаза. Мать вот уже много лет красила волосы в белый цвет, носивший название «осеннее солнце», который очень шел ей. Она следила за своей фигурой и носила внешне неприметные, но дорогие наряды. Синие костюмы и черные платья, которые она покупала в «Лорде», «Тейлоре» и «Саксе», влетали ей в копеечку.

– А для чего русский этой девчужке? Где живут ее родители?

– В Коннектикуте.

– Коннектикут большой.

Берни так и подмывало спросить мать о том, не собирается ли она к ним в гости. Однако он сдержался.

– Хартфорд. Разве это имеет значение?

– Не груби, Берnard.

Мать держала себя подчеркнуто официально. Он сложил салфетку и отодвинулся вместе со стулом. Обед с матерью всегда оборачивался коликами в желудке.

– Куда это ты? Тебя никто не отпускал.

Словно ему пять лет. Порой он ненавидел свой дом и одновременно стыдился этого чувства и тогда ненавидел мать, повинную и в том, и в другом.

– Мне нужно позаниматься.

– Слава богу, ты больше не играешь в футбол.

Так было всегда. Сказать напоследок что-нибудь эдакое, против чего нельзя протестовать. Тут же хочется повернуться к ней и сказать, что он, мол, вернулся в команду или... что он изучает балетные па вместе с Шилой... Так, чтобы позлить ее...

– Решение еще не окончательное, мама.

Руфь Файн пронзила его взглядом.

– Поговори об этом с отцом.

Отец всегда знал, что ему следует делать. Мать наконец смогла поговорить с ним. «Если Берни снова захочет играть в футбол, ты предложишь ему новую машину...» Знай об этом Берни, он поднял бы дикий скандал и действительно тут же вернулся бы в команду. Противно, когда тебя пытаются подкупить. Противно смотреть на то, как она пытается помыкать тобой, считая тебя своей собственностью, пусть отец с ней и не согласен... Быть единственным ребенком очень непросто. Когда он вернулся в Энн-Арбор и увиделся с Шилой, она не стала спорить с ним. Каникулы оказались непростым временем и для нее. Встретиться им так и не удалось, хотя Хартфорд находился отнюдь не на краю света. Шила была поздним ребенком, и родители лелеяли ее как могли. Каждый раз, когда она покидала дом, они страшно волновались, боясь, что их дочь могут обидеть, ограбить или, того хуже, изнасиловать. Она могла оступиться, встретить не того человека, выбрать не тот факультет и так далее. Перспектива ее учебы в Мичиганском университете ужасала их, однако Шила смогла таки настоять на своем. С родителями разговаривать она умела. Что ее донимало, так это их постоянное присутствие. Берни она понимала, как никто. После того как пасхальные

каникулы закончились, Берни и Шила разработали хитроумный план. Они должны были встретиться в Европе и провести там по меньшей мере месяц. О том, что они путешествуют вдвоем, родители не должны были знать. Так оно и вышло.

Они дарили друг другу Венецию, Париж и Рим, и это было прекрасно. Когда, нагие, лежали они на пустынном пляже Искьи, Берни, любуясь черными как смоль локонами Шилы, думал о том, что никогда не встречал девушки красивее ее. Он уже подумывал и о том, чтобы предложить ей руку и сердце, хотя считал, что с предложением спешить не стоит. Он мечтал обручиться с ней на Рождество, а жениться где-нибудь в июне... Тем временем они побывали в Англии и Ирландии и вернулись домой – теперь уже вместе – на самолете, летевшем из Лондона.

Отец, как обычно, был на операции. Мать же встречала его, хотя он и просил ее не делать этого. В новом бежевом костюме от Бена Цукермана, с прической, которая, по ее мнению, приличествовала обстоятельствам, мать выглядела куда моложе своих лет. В душе Берни родилось нечто вроде сыновней благодарности, но тут мать заметила его спутницу.

– Это еще кто?!

– Это Шила Борден, мама.

Госпожа Файн тут же впала в полуобморочное состояние.

– Так вы, выходит, путешествовали вместе? – Денег они ему давали столько, чтобы он мог провести в Европе месяц-другой. Ему исполнился двадцать один. И деньги, и поездка были подарком ко дню рождения. – Вы... вы так бесстыдно путешествовали вместе?

Берни был готов сгореть от стыда. Шила же вела себя так, словно ничего особенного не произошло – она все так же мило улыбалась.

– Все в порядке, Берни... Не волнуйся... Мне ведь нужно на пригородный – до Хартфорда...

Она улыбнулась еще раз, взяла в руки дорожную сумку и тут же исчезла, даже не успев попрощаться. Мать уже вытирала платочком глаза.

– Мама, пожалуйста...

– Как ты мог нас обмануть?!

– Я вас не обманывал. Я тебе говорил по телефону – я встретил там друзей.

Лицо его стало красным, он был готов провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть своей матери.

– Это ты называешь друзьями?

Ему вдруг вспомнились пляжи, парки, берега рек, комнаты крошечных отелей – все те места, где они были вместе... С этим мать уже ничего не могла сделать, что бы она ни говорила. Он сердито посмотрел на нее:

– Она мой ближайший друг!

Он схватил свою сумку и быстрым шагом вышел из здания аэропорта. Ему не нужно было оборачиваться, но он обернулся. Мать стояла на том же месте, теперь она плакала открыто. Берни вернулся и извинился перед ней, за что впоследствии не раз корил себя.

Осенью, когда вновь начались занятия, их роман продолжился. В праздник Благодарения он отправился в Хартфорд, чтобы познакомиться с родителями Шилы. Последние были сдержанны, но вежливы. Очевидно, их поразило что-то такое, о чем Шила предпочитала не говорить. Когда они летели назад, Берни спросил:

– Их смутило, что я еврей?

Он был заинтригован. Неужели ее родители могут быть такими же сумасшедшими, как и его мать? Нет, это было невозможно. С Руфью Файн сравниться не мог никто.

– Нет.

Шила рассеянно улыбнулась и, достав из сумочки сигарету с марихуаной, закурила. Они сидели в последнем ряду самолета, летевшего в Мичиган.

– Они просто ничего такого не ждали. Мне никогда не приходило в голову говорить с ними о тебе.

Ему нравилось это ее свойство. Для нее не существовало никаких проблем. Он покурил травку вместе с ней, после чего Шила тщательно затушила сигарету и положила окурки в конверт, лежавший в ее сумочке.

– Они нашли тебя очень милым.

– Я тоже нашел их очень милыми.

Он солгал. На самом деле он нашел их чрезвычайно занудными и поразился тому, что мать Шилы напрочь лишена вкуса. Все это время они говорили о погоде, мировых новостях и более ни о чем. Жить так – значит жить в вакууме, комментируя то, что происходит с другими... Шила совершенно не походила на своих родителей. То же самое она сказала о Берни, попутно назвав его мать истеричкой, против чего он возражать не стал.

– Они на вручение дипломов не придут?

– Ты что – издеваешься? – засмеялась Шила. – Мать как об этом подумает, так сразу в слезы.

Он все еще думал жениться на ней, хотя по-прежнему не говорил об этом вслух. В День святого Валентина он сразил ее своим подарком – маленьким колечком с алмазом, купленным им на деньги, доставшиеся ему от покойных бабушки с дедушкой. В крохотном, идеальной огранки солитере было всего два карата, но он был безупречен. В день покупки кольца у Берни от возбуждения даже защемило в груди. Он привлек Шилу к себе, поцеловал ее в губы и небрежно бросил красную шкатулку ей на колени.

– Посмотри – подходит оно тебе или нет.

Шила решила, что это какая-то шутка, и смеялась до тех пор, пока не открыла шкатулку. Разинув от изумления рот, она вдруг разрыдалась, после чего молча швырнула шкатулку назад и так же молча вышла из комнаты. Он продолжал изумляться странности такого поведения до самого ее возвращения. Своя комната была и у Шилы, но обычно она жила у Берни – здесь было два стола, да и вообще как-то попросторней. Вернувшись в комнату, Шила уселась на стол Берни и, открыв шкатулку, пробормотала:

– Как ты мог это сделать?

Он так и не мог понять ее. Может быть, она считает, что кольцо ей велико?

– О чем ты? Я хочу жениться на тебе.

Он приблизился к Шиле, нежно глядя ей в глаза, но она тут же отскочила в сторону.

– Я думала, ты все понимаешь... Все это время так думала...

– Объясни, что ты хочешь этим сказать!

– Я думала, что мы общаемся, как равный с равным.

– Так оно и есть. Но как это связано с тем, что происходит?

– Нам не нужен брак... Все это ненужная рухлядь, дань традиции... – Она посмотрела на него с таким отвращением, что ему стало как-то не по себе. – Все, что нам нужно, это то, чем мы обладаем ныне. Когда это есть – это есть. Когда этого нет – этого нет. Понимаешь?

Подобное Берни слышал от нее впервые. Он никак не мог понять, что же могло произойти.

– И сколько же это может длиться?

– День... Неделю... – Она пожала плечами. – Какая разница? Какое это может иметь значение? Кольцо с алмазом здесь не поможет.

– Ну что ж, тогда прошу прощения. – Внезапно озлившись, он захлопнул шкатулку и швырнул ее в один из ящиков стола. – Прошу прощения за то, что поступил как истый буржуа. Все Скарсдейл, понимаешь...

Она взглянула на него так, будто видела впервые.

– Я и понятия не имела, что ты придаешь этому такое значение. – Шила озадаченно смотрела на него, словно пытаясь припомнить его имя. – Я думала, ты все понимаешь как надо... – Она уселась на диван. Берни подошел к окну и, вздохнув, повернулся к ней.

– Нет. Сказать честно? Я вообще ничего не понимаю. Мы спим друг с другом вот уже год. По сути, мы живем вместе, и в Европе в прошлом году мы тоже были вместе. Как по-твоему – что это? Случайная связь?

Сам он относился к этому иначе, пусть ему и был всего двадцать один год.

– Ой, давай только не будем оперировать устаревшими категориями.

Она встала с дивана и потянулась, всем своим видом показывая, что изнывает от скуки. Берни заметил, что на ней нет бюстгальтера, и понял, что может простить ей все.

– Может быть, я поспешил? – Он с надеждой смотрел на Шилу, чувствуя непреодолимое влечение к ней и одновременно презирая себя за это. – Может, должно пройти какое-то время?

Она отрицательно покачала головой и без обычного поцелуя направилась к двери.

– Чего я никогда не хотела, так это выходить замуж, Берни. Это не для меня. После того, как мы получим дипломы, я отправлюсь в Калифорнию... Хочу немного развеяться.

Он вдруг представил Шилу... в коммуне хиппи.

– Что значит «развеяться»? Вечно же так жить не будешь.

Улыбнувшись, она пожала плечами.

– И тем не менее сейчас я хочу именно этого. – Взгляды их встретились. – В любом случае, за колечко спасибо.

Она еле слышно прикрыла за собой дверь, оставив его в темной комнате наедине с самим собой. А ведь он так любил ее... По крайней мере, сам он в этом ни минуты не сомневался. На что он никогда не обращал внимания, так это на ее манеру выказывать полнейшее равнодушие к чувствам других. Он вспомнил, как она разговаривала со своими родителями. Ей было глубоко безразлично, что они думают или чувствуют, поэтому она искренне удивлялась тому, что он, Берни, звонит старикам или перед поездкой домой покупает подарок матери. В день рождения Шилы он послал ей цветы, и она подняла его на смех – он вспомнил об этом только сейчас. Может быть, ей плевать на всех, в том числе и на него? Она просто развлекается, делает то, что ей нравится. До этой самой минуты все в их отношениях устраивало ее, когда же он подарил ей обручальное кольцо, она вдруг испугалась. Он лежал в темноте, думая о ней... Сердце его обратилось в камень.

С той поры все пошло как-то наперекосяк. Она стала заниматься в группе расширения сознания, где то и дело проходили коллективные обсуждения ее отношений с Берни. Возвращаясь домой, она едва ли не ежеминутно корила Берни за его ценности и его цели. Теперь ей не нравилось и то, как он говорит с нею.

– Не надо говорить со мной как с ребенком! Черт возьми, я ведь женщина! Вся эта твоя бравада гроша ломаного не стоит! Сплошная показуха! Я такая же сообразительная, как ты, и оценки у меня не хуже твоих – понял? Одно-единственного органа не хватает, чтобы стать такой же, как ты, – ну и что из того?

Он ужаснулся еще больше, когда Шила оставила балет. Она продолжала заниматься русским, но теперь больше всего на свете ее занимала личность Че Гевары. Она ходила в огромных походных ботинках и покупала тряпки в армейской лавке. Больше всего ей нравилось щеголять в надетой на голое тело мужской нижней рубашке, через которую просвечивали ее темные соски. Берни поймал себя на том, что ему стало неудобно ходить по улицам рядом с нею.

– Ты это серьезно? – спросила она изумленно, когда он сообщил ей о своем желании пойти на выпускной вечер, пусть тот и был старомодным дурацким действием. Память о нем следовало сберечь для других времен – этот его аргумент подействовал, и Шила решила

пойти вместе с ним. В канун вечера она появилась в его комнате одетой в солдатскую робу, из-под которой виднелась драная красная майка. Ее грубые, под стать армейским, ботинки были выкрашены золотой краской. Шила, смеясь, называла их «своими новыми бальными туфельками». Сам Берни был одет в белый смокинг, купленный отцом в «Брукс бразерс», который как нельзя лучше шел к его рыжеватым волосам, зеленым глазам и смугловатому от легкого загара лицу. Шила же выглядела достаточно нелепо.

– Тем ребятам, которые относятся к этому делу серьезно, твой вид покажется оскорбительным. Если уж туда идти, то надо и одеваться соответственно.

– Бога ради, оставь ты эти свои разговоры. – Она плюхнулась на диван, всем своим видом выражая презрение. – Ты стал похожим на лорда Фаунтлероя. Надо бы рассказать об этом нашей группе. Интересно, что они об этом скажут.

– Плевать я хотел на твою группу!

Впервые за все время общения с Шилой он потерял контроль над собой. Она лежала на диване, покачивая своими золотыми ботинками и изумленно взирая на него.

– Оторви свой зад от дивана и пойдешь переоденься!

– Да пошел ты...

– Я серьезно, Шила. В этой одежде ты туда не пойдешь.

– А вот возьму и пойду.

– Нет, не пойдешь.

– Тогда и ты не пойдешь.

Он на мгновение застыл, но тут же решительно направился к двери.

– Нет. Я все же пойду. Но пойду один.

– Счастливо.

Она сделала ему ручкой, и он вне себя от ярости вышел из комнаты. Танцевать ему на вечеру было не с кем, он торчал в зале разве что из принципа. Вечер был окончательно испорчен. Нечто подобное случилось и на церемонии вручения дипломов, в довершение всего свидетельницей происходившего там стала мать Берни. После того как Шила поднялась на сцену и ей вручили диплом, она повернулась к залу и обратилась к собравшимся с краткой речью о том, как бессмысленны символические установления истеблишмента в мире, где права женщин попираются. Посему она не может не протестовать против шовинизма, царящего в Мичиганском университете. После этого на глазах пораженной публики она разорвала свой диплом, отчего Берни едва не заплакал. Что он мог сказать матери теперь? С Шилой говорить тоже было не о чем, это он понял тем же вечером, когда они стали собирать вещи. О чувствах, испытанных им в зале, лучше было молчать, он мог наговорить лишнего. Она молча доставала из ящиков свои вещи. Этим вечером его родители ужинали с друзьями в отеле, он собирался присоединиться к ним утром, чтобы отметить факт окончания университета, после чего все они должны были вернуться в Нью-Йорк. Он печально посмотрел на Шилу. Последние полтора года казались прожитыми зря. Вот уже несколько недель они с Шилой не могли найти общего языка. Но он никак не мог свыкнуться с мыслью о том, что у них все кончено, хотя одновременно с этим собирался прокатиться по Европе совсем не с ней, а с родителями. Берни никак не мог понять – как она, такая страстная в постели, умудряется быть такой бесчувственной во всем остальном. Эта странность поражала его с первого дня их знакомства. Впрочем, он слишком любил ее для того, чтобы обращать внимание на подобные вещи... Первой молчание нарушила Шила:

– Завтра вечером я улетаю в Калифорнию.

Берни пораженно замер.

– Разве твои родители... не хотят увидеть тебя?

Она улыбнулась и бросила в дорожную сумку связку носков.

– Ясное дело, хотят.

Она пожала плечиками, и ему вдруг захотелось вlepить ей пощечину. Он ведь действительно любил ее... хотел жениться на ней... она же все это время думала только о себе. Большого эгоцентрика, чем она, встречать ему еще не доводилось.

– Я куплю билет без места до Лос-Анджелеса, а оттуда автостопом доберусь до Сан-Франциско.

– А что потом?

– Откуда я знаю!

Шила посмотрела на него так, будто они только что познакомились и не были ни друзьями, ни любовниками. Вот уже два года она была чем-то главным в его жизни, и по этой причине Берни чувствовал себя полнейшим идиотом. Он потратил на нее два года своей жизни!

– Почему бы тебе не приехать в Сан-Франциско после того, как ты вернешься из Европы? Было бы неплохо встретиться с тобою там...

Неплохо... И это после двух лет!

– Не знаю. – Впервые за все это время он улыбнулся, хотя его глаза оставались такими же грустными. – Я буду искать работу.

Он знал, что для Шилы подобных проблем не существует. Родители поздравили ее с окончанием университета, подарив ей кругленькую сумму в двадцать тысяч долларов наличными, которые она почему-то рвать не стала. Этих денег хватило бы на то, чтобы прожить в Калифорнии несколько лет. Он же так затянул вопрос со своим трудоустройством опять-таки из-за нее – он не знал ее планов. Теперь он чувствовал себя дураком вдвойне. Ему хотелось одного: найти работу преподавателя русской литературы в одной из школ Новой Англии. Он выслал ряд предложений и теперь ждал ответов.

– Берни, разве не глупо отдаваться в лапы истеблишмента? Исполнять ненавистную работу ради денег, которые тебе особенно не нужны?

– Это тебе не нужны. Родители не собираются содержать меня до скончания века.

– Мои тоже! – хмыкнула Шила в ответ.

– Хочешь подыскать себе работу на Западном побережье?

– Со временем.

– И что же ты собираешься делать? Демонстрировать вот это?

Кивком головы Берни указал на подрезанные, с бахромой джинсы и огромные ботинки. Шиле это явно не понравилось.

– Когда-нибудь ты станешь таким же, как твои родители. – Хуже этого она не знала ничего. Застегнув сумку, Шила протянула ему руку: – Ну что, Берни... Пока?

«Как странно...» – подумалось ему.

– Что? После двух этих лет?! – На глаза навернулись слезы, но ему было уже все равно. – Я до сих пор не могу в это поверить. Мы могли пожениться... У нас могли быть дети...

Шила покачала головой:

– В наши планы это не входило.

– Скажи мне, что в них входило, Шила? Позаниматься парочку лет любовью – так? Я любил тебя, пусть сейчас в это и трудно поверить!

Теперь он искренне не понимал, что же могло привлечь его в ней тогда. На сей раз его мать не ошиблась.

– Наверное... Наверное, я тебя тоже любила...

Ее губы внезапно задрожали. Она подбежала к Берни, и он обнял ее. Так, обнявшись, они и стояли посреди пустой комнаты, что некогда была их домом. И он, и она плакали.

– Ты прости меня, Берни... Просто все стало другим...

Он согласно закивал:

– Я знаю. Ты здесь ни при чем... Это не твоя вина...

Голос его стал хриплым. Если во всем повинна не она, то кто же? Он поцеловал ее, и она подняла на него глаза.

– Если сможешь, приезжай в Сан-Франциско.

– Я постараюсь.

Этого, естественно, не произошло. Следующие три года Шила провела в коммуне, расположившейся близ Стинсон-Бич, о чем Берни узнал лишь из присланной ею рождественской открытки, к которой была приложена ее фотография. Они жили возле самого моря в старом школьном автобусе – девятеро взрослых и шестеро детей. Двое детей было и у нее самой. К тому времени, когда Берни получил эту весточку, Шила и все с нею связанное его уже нисколько не интересовало. Он был весьма благодарен матери за то, что та никогда не вспоминала о Шиле, мать же, в свою очередь, была крайне рада тому, что эта наглая девица наконец-таки отстала от ее сына.

Она была первой любовью Берни, мечты же умирают не вдруг... Европа помогла ему развеяться. Он встречался с великим множеством девушек и в Париже, и в Лондоне, и на юге Франции. Его чрезвычайно изумляло то, что путешествие с родителями выходило таким веселым.

В Берлине он встретил троих ребят из университета – они развлекались как могли, зная о том, что в скором времени им предстоит вернуться в реальный мир. Двое из них изучали юриспруденцию, третий готовился к свадьбе, которая должна была состояться осенью, – этот гулял, что называется, в последний раз. Впрочем, такая спешка со свадьбой была продиктована желанием избежать призыва в армию. Последнего Берни мог не опасаться, хотя это обстоятельство несколько смущало его. В детстве он перенес астму, и отец документально засвидетельствовал сей факт. На призывном пункте Берни была присвоена классификация «4-Ф», которая могла показаться его сверстникам едва ли не чем-то постыдным. Но, как говорится, нет худа без добра. Берни мог забыть о службе в армии. К несчастью, все школы, в которые он обращался с предложением, отказали ему, мотивируя отказ тем, что Берни не имеет магистерской степени. Он решил пройти ряд курсов в Колумбийском университете, ибо наличие степени означало бы автоматическое трудоустройство. Но до этого он должен был как-то существовать в течение целого года.

Он жил дома, и мать издевалась над ним, как могла. Знакомые же его и товарищи все, как один, разъехались. Кто-то попал в армию, кто-то уехал учиться, кто-то получил работу в другом городе. Поддавшись минутному отчаянию, он вдруг решил поработать в дни предрождественской суматохи в магазине «Вольф» и не стал возражать, когда его направили в мужской отдел, где он должен был торговать обувью. Все лучше, чем сидеть дома, – так считал Берни. К тому же ему всегда нравился этот магазин. Большое красивое здание, приятные запахи, хорошо одетые люди, стильные продавцы, замечательные своей обходительностью. В дни рождественской давки здесь было поспокойнее, чем в других местах. Некогда «Вольф» был одним из главных законодателей моды, до какой-то степени он сохранял свои позиции и тогда, когда в нем появился Берни, пусть «Вольфу» и недоставало шика «Блумингдейла», находившегося на расстоянии трех кварталов.

Берни совершенно искренне пытался убедить клиентов в том, что магазин способен создать серьезную конкуренцию «Блумингдейлу», на что клиенты обычно отвечали улыбками. «Вольфу» это было не по силам. Так считал клиент. Но Пол Берман, владелец магазина, считал иначе. Докладная Бернарда крайне заинтересовала его. Покупателю, который пришел с жалобой на продавца из мужского отдела, он пообещал выгнать Берни в два счета, хотя подлинные намерения Пола Бермана были совершенно иными. Он давно искал молодого человека с интересными идеями. Пол Берман не единожды приглашал Берни на обед, каждый раз поражаясь в нем забавной смеси дерзкой напористости и какой-то изысканной

утонченности. Узнав, что Берни собирается преподавать русскую литературу и по этой причине посещает по вечерам Колумбийский университет, Берман долго смеялся.

– Да на это же надо потратить чертову уйму времени!

Последнее замечание несколько шокировало Берни, хотя Берман в общем-то нравился ему. Внешне спокойный и элегантный, он был хватким бизнесменом, внимательно прислушивающимся ко всем возможным мнениям. Берман приходился легендарному Вольфу родным внуком.

– Русская литература – это моя специализация, сэр, – почтительно произнес Берни.

– Надо было идти в школу бизнеса.

Берни улыбнулся:

– Вы считаете так же, как моя мама.

– А кем работает твой отец?

– Он – врач. Хирург-отоларинголог. Лично я всегда ненавидел медицину. Мне от одной мысли обо всех этих делах становится дурно.

Берман согласно закивал. Он прекрасно понимал Берни.

– У меня шурин доктор. Меня тоже от этого мутит. – Он нахмурился и посмотрел в глаза Бернару Файну. – Ну а ты сам? Чем ты собираешься заниматься в этой жизни?

Берни говорил все как есть. Он чувствовал, что иначе нельзя. Дела магазина были небезразличны ему, иначе бы он не написал докладную, приведшую его сюда. Он любил «Вольф». Это было совершенно замечательное место. Он мог проработать здесь какое-то время, но настоящее его призвание заключалось в ином...

– В будущем году я уже буду иметь степень. Это позволит мне получить работу в каком-нибудь закрытом учебном заведении.

Он заулыбался и от этого стал выглядеть еще моложе. Его наивность трогала, по крайней мере, Полу Берману она пришлась по душе.

– А ты не боишься, что прежде тебя в армию заграбастают?

Берни назвал свой квалификационный разряд.

– Ну, парень! Да ты прямо счастливчик! Все эти вьетнамские дела, того и гляди, вот-вот обернутся большими неприятностями. Вспомни, что там с французами произошло. Все потеряли! Нам то же самое грозит будет, если вовремя не остановимся.

Берни согласился.

– Слушай, почему бы тебе не оставить свои вечерние занятия?

– И что тогда?

– Я хочу кое-что предложить. Весь следующий год ты проведешь в магазине. Мы попробуем поднатаскать тебя в самых разных сферах, чтобы ты почувствовал вкус к этой работе, и тогда, если, конечно, ты будешь достоин этого и будешь иметь на то желание, отправим тебя в школу бизнеса. Одновременно ты будешь иметь возможность практиковаться на работе. Как тебе это нравится?

Никогда и никому они не предлагали ничего подобного, но уж очень ему понравился этот парень с широко раскрытыми честными зелеными глазами и интеллигентным лицом. Не какой-нибудь там смазливый мальчик, но привлекательный молодой человек с открытым добрым лицом. Берни было предложено подумать над этим день-другой, да только чересчур не обольщаться и излишне не пугаться. Решение ему предстояло принять по-настоящему серьезное. Ему не очень-то хотелось учиться в школе бизнеса, трудно было расставаться и с мечтой о тихой школе в каком-нибудь сонном городишке, где не слышали ни о Толстом, ни о Достоевском... Впрочем, это была только мечта, не более... Сейчас она не казалась ему такой уж сладостной.

В ту же ночь Берни переговорил с родителями. Поражен был даже его отец. Перед Берни открывались замечательные перспективы. Год стажировки в магазине мог позволить

ему определиться в своем отношении к «Вольфу». При этом решение считалось чем-то само собой разумеющимся – отец поздравлял сына с успехом, мать интересовалась тем, сколько детей у Бермана... есть ли у него дочери... и так далее. Она уже представляла себе своего сына женатым на одной из них!

– Оставь его, Руфь!

Отец увел ее, и она в конце концов успокоилась. Уже на следующий день Берни дал ответ мистеру Берману. Тот был чрезвычайно рад его решению и тут же посоветовал Берни подать заявления сразу в несколько школ бизнеса. Он назвал Колумбийский и Нью-Йоркский университеты, поскольку те находились в городе, а также Уортон и Гарвард, поскольку те были именно тем, чем они были. Результаты должны были стать известны еще не скоро, пока же ему нужно было поднапрячься.

Год стажировки пролетел незаметно. Он был принят в три школы бизнеса. Отказ пришел только из Уортона, при этом говорилось, что он может быть принят туда через год, что его, конечно же, не устраивало. Он остановил выбор на Колумбийском университете и приступил к занятиям, работая в магазине по несколько часов в неделю. Он стремился познакомиться с деятельностью самого разного рода, но вскоре понял, что больше всего его интересуют вопросы, связанные с моделированием мужской одежды. Первая его работа, посвященная этой теме, не только получила высокие оценки, но и имела некое практическое воплощение: Берман позволил ему немного поэкспериментировать. Успешно закончив школу бизнеса, Берни с полгода работал в магазине, затем вновь занялся мужской, а впоследствии и женской одеждой. С его подачи в магазине появилась масса нововведений. Со времени поступления в «Вольф» прошло пять лет. Все шло как нельзя лучше, но тут... В один прекрасный весенний денек Пол Берман вызвал Берни к себе и объявил ему, что его на два года переводят в Чикаго. Это прозвучало для Берни как гром среди ясного неба.

– Но почему?

Чикаго для него ничем не отличался от Сибири. Он совершенно не хотел куда-то ехать. Он любил Нью-Йорк и прекрасно справлялся со своей работой.

– Во-первых, ты знаком со Средним Западом. – Берман вздохнул и закурил сигару. – Во-вторых, ты нужен нам там. Дела у нашей фирмы идут не так хорошо, как бы нам того хотелось. Нашим чикагским коллегам нужно придать некий импульс, и этим импульсом станешь ты!

Он, улыбаясь, посмотрел на своего юного друга. Берман относился к нему с уважением, и Берни надеялся сыграть на этом, но у него так ничего и не вышло. Берман настоял на своем, и через два месяца Берни улетел в Чикаго, а еще через год стал управляющим, что задержало его еще на два года, хотя самому Берни этого, естественно, не хотелось. Город вгонял его в тоску, а уж погода – и подавно.

Родители часто навещали его, явно считая, что их сыну есть чем гордиться. Быть в тридцать лет управляющим чикагского «Вольфа» – достижение немалое, им мог тяготиться только такой чудак, как Берни. Домой он вернулся в тридцать один год. По этому случаю мать закатила настоящий пир, а Берман позволил ему обзавестись собственной визиткой. Тем не менее с предложением Берни поднять уровень женской моды Берман соглашаться не спешил. Берни хотел представить разом дюжину направлений высокой моды, вернув «Вольфу» славу всеамериканского законодателя.

– Ты знаешь, во что нам обойдутся эти твои платьица?

Берман казался расстроенным, Берни же продолжал улыбаться.

– Да. Но для нас могут сделать небольшую скидку. На деле-то одежда будет классом пониже.

– В любом случае стоит она будет практически столько же! Кто придет к нам за такими платьями?

С одной стороны, Берман был поражен безрассудностью Берни, с другой – он был явно заинтригован.

– Я думаю, у нас от посетителей отбоя не будет, Пол. Особенно в таких городах, как Чикаго, Бостон, Вашингтон и даже Лос-Анджелес, где нет всех этих нью-йоркских магазинов. Мы – а не кто-то другой – будем для них Парижем и Миланом!

– Ох, не оказаться бы нам в богадельне...

Берман был уже не столь категоричным – Берни почувствовал это мгновенно. Идея казалась заманчивой. Перейти к продаже по-настоящему дорогих товаров, продавать платья за пять, шесть, семь тысяч долларов, продолжая торговать готовой одеждой, модели которой, однако, должны разрабатываться лучшими модельерами, – вот в чем она состояла.

– Нам не нужно покупать все! Зачем брать лишнее? Мы устроим показ работ каждого модельера, и женщины сами выберут, что им больше нравится. Это оправдано и экономически!

Берман боялся пошелохнуться. Идея действительно была замечательной.

– Возможно, Берnard, ты и прав...

– Тем не менее начать надо с перестройки здания. Надо, чтобы демонстрационный зал выглядел по-европейски.

На обсуждение идеи у них ушел не один час. Когда же круг стоявших перед ними задач был очерчен и разговор подошел к концу, Берман удивленно покачал головой. За последние годы Берnard серьезно вырос. Он превратился в зрелого, уверенного в себе человека, отличающегося здравостью суждений в сферах, имеющих отношение к бизнесу. Он и выглядел теперь как взрослый – Берман поспешил сказать ему об этом, указывая на бородку, которую Берни отпустил еще в Чикаго. Ему был тридцать один год. Всего лишь тридцать один.

– И как это ты все смог продумать! – Мужчины обменялись улыбками. Оба были в прекрасном настроении. «Вольф» должен стать иным. – И с чего же ты хочешь начать?

– На этой неделе я переговорю с архитекторами – пусть они представят вам свои предложения. После этого я хочу слетать в Париж. Надо понять, как к этой идее отнесутся модельеры.

– Думаешь, откажутся?

Берни нахмурился, но решительно замотал головой:

– Не должны. Они могут на этом хорошо подзаработать.

Берни не ошибся. Модельеры отказываться не стали. Они тут же уловили суть идеи и без лишних слов заключили с Берни контракты. Всего их было двадцать. Берни ехал в Париж, не слишком-то надеясь на успех своего предприятия, когда же через три недели он вернулся в Нью-Йорк, он чувствовал себя победителем. На подготовку новой программы должно было уйти девять месяцев, фантастическая же серия показов, на которых дамы могли заказать себе осенние гардеробы, начиналась в июне. Для дам все это мало чем отличалось от поездки в Париж к тамошним знаменитостям. Все должно было начаться с приема, во время которого Берни планировал провести головокружительный показ, где были бы представлены все модельеры. Этот непродажный показ должен был стать своеобразной затравкой, предваряющей серию рабочих показов. Все манекенщицы и все модельеры, кроме троих, выписывались из Парижа. Берни с головой ушел в работу. Теперь он был первым вице-президентом фирмы. Ему было всего тридцать два.

Никому из присутствовавших на первом торжественном показе еще никогда не доводилось видеть ничего столь прекрасного. Наряды были просто потрясающими – аудитория непрестанно ахала, охала и разражалась аплодисментами. Все чувствовали, что здесь, в этом зале, творится история моды. Берни чудесным образом удалось увязать четкие законы торговли и прихотливость изменчивой моды в единое целое. Он чувствовал моду нутром. «Вольф» разом оставил позади все магазины Нью-Йорка и Америки. Берни сидел на самом

последнем ряду, вполглаза наблюдая за происходящим на сцене и в зале и чувствуя себя едва ли не властелином мира. Мимо проплыл счастливый Пол Берман. В те дни счастливы были все. Берни успокоился и, расслабившись, стал следить за манекенщицами, демонстрировавшими вечерние платья. Его вниманием завладела хрупкая блондинка – прекрасное, похожее на кошечку создание с точеными чертами лица и огромными голубыми глазами. Казалось, она не идет, а парит... Берни ожил и с появлением каждой новой коллекции начинал искать глазами блондинку, зная, что показ рано или поздно закончится и она исчезнет навеки.

Когда действие закончилось, он, однако, не отправился в свой кабинет, а, с минуту помедлив, скользнул за кулисы, с тем чтобы поздравить заведующую отделом, француженку, которая прежде работала у Диора.

– Прекрасная работа, Марианна.

Он улыбнулся ей, она же ответила ему голодным призывным взглядом. Ей было далеко за сорок, одета она была безупречно – вкус никогда не подводил ее. Стоило Марианне появиться в «Вольфе», как она тут же положила глаз на Берни.

– Показ прошел неплохо... Ты согласен с этим, Берnard?

Она произнесла его имя на французский манер. Она влекла к себе и в то же время казалась совершенно холодной. Пламя и лед... Впрочем, Берни смотрел совсем не на нее. Мимо пробегали девушки в синих джинсах и простеньких повседневных нарядах, меж ними метались продавщицы, собиравшие драгоценные платья, чтобы посетители могли заказать желаемое, – словом, все шло своим чередом. И тут Берnard увидел блондинку – та держала в руках свадебное платье, в котором выходила в конце показа.

– Марианна, что это за девушка? Она из наших или мы нанмали ее на стороне?

Марианна проследила за его взглядом, сразу почувствовав, что вопрос задан неспроста. Девушке было не больше двадцати одного, и она была прехорошенькая.

– Время от времени она с нами сотрудничает. Она француженка.

Больше можно было ничего не говорить. Девушка посмотрела на Берnardа, затем перевела взгляд на Марианну и направилась прямо к ним. Она спросила по-французски, что ей делать с платьем, и Марианна стала объяснять ей, кому его надо отдать. Все это время Берни смотрел на блондинку едва ли не разинув рот. Заведующая отделом тут же сообразила, что от нее требуется.

Она представила Берни девушке, сказав не только о его должности, но и о том, что новая концепция изобретена им. Ей страшно не хотелось делать этого, но у нее не было выбора. Обычно равнодушные глаза Берни внезапно ожили. Она знала, что ему нравятся девушки, но серьезных увлечений у него нет и не было, по крайней мере так говорили в магазине. Если в товаре он ценил качество, то в женщинах скорее количество, или, как говорят в торговле, «объем». Теперь, кажется, этому пришел конец...

Ее звали Изабель Мартен, и ей было двадцать четыре года. Она выросла на юге Франции и в восемнадцать лет приехала в Париж. Сначала Изабель работала у Сен-Лорана, затем перешла к Живанши. Она идеально подходила для своей роли и пользовалась в Париже грандиозным успехом. Поэтому она нисколько не удивилась, когда ей предложили поехать в Штаты. Здесь, в Нью-Йорке, она прожила уже четыре года. Единственное, чего Берни не мог понять, так это того, почему он не встречался с Изабель раньше.

– Обычно я работаю с фотограмами, мсье Файн. – Ее акцент совершенно очаровал его. – Когда же я услышала о вашем шоу...

Она улыбнулась так, что теперь ради нее он был готов на все. И тут он вспомнил, где видел это лицо. Это были обложки журналов – «Вог», «Базар» и прочие, – просто в жизни она была куда красивее. Манекенщицы редко работают как в зале, так и с фотограмами, Изабель же это удавалось – и удавалось с блеском. Берни стал рассыпаться в похвалах:

– Это было удивительно! Совершенно замечательно, мисс... ммм... мисс...

Он совершенно не помнил ее имени.

– Изабель, – напомнила блондинка, улыбнувшись.

Он тут же предложил ей провести вечер в «Каравелле». Все посетители смотрели только на нее. После этого они пошли танцевать в «Рафлз». Он боялся потерять, боялся отпустить ее. Наверное, впервые в жизни он по-настоящему потерял голову. Броня, в которую Берни одел себя после ухода Шилы, растаяла в руках Изабель как воск. Ее волосы были почти белыми, и, что поразительно, это был естественный их цвет. Она казалась Берни самым красивым существом на всем белом свете, и с этим трудно было не согласиться.

Лето этого года они провели в Истгемптоне. Он снял небольшой домик, и каждый уик-энд Изабель приезжала к нему. Оказавшись в Штатах, она тут же увлеклась известным фотографом, работавшим в журналах мод, через пару лет место фотографа занял земельный магнат. Однако с появлением Берни обо всех остальных мужчинах Изабель словно забыла. Это было волшебное время: он брал ее с собой повсюду, она участвовала в показах и позировала для фотографа, он танцевал с ней до утра...

Однажды Берни пригласил на обед мать. Тогда же, за обедом, та спросила его:

– Ты не думаешь, что для тебя она... дороговата?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да она же из этих новоявленных штучек! Как ты будешь выходить из положения?

– Ты герой где угодно, но только не в своем родном городе – так, кажется, говорят?

Должен признаться, не очень-то это вдохновляет.

Его восхищал синий костюм от Диора, в который была одета мать. Он купил его во время своей последней поездки за границу. На матери костюм сидел великолепно. Говорить же с ней об Изабель ему не хотелось. Он не знакомил и не собирался знакомить с Изабель своих родителей. Встреча двух этих миров не привела бы ни к чему хорошему, хотя отцу – Берни в этом не сомневался – Изабель должна была понравиться. Она понравилась бы любому мужчине.

– Скажи хотя бы, какая она?

Мать, как это бывало и всегда, не сдавалась.

– Она очень приятная девушка, мама.

Мать усмехнулась:

– Надо выражаться точнее. Она, вне всяких сомнений, красавица.

Фотографии Изабель она видела буквально всюду, она любила говорить о ней со своими подругами. Например, у парикмахера – «вы видите эту девушку?.. нет, нет – на обложке... ее постоянно видят с моим сыном...».

– Ты что – любишь ее?

Мать спросила об этом без тени смущения, Берни же вдруг замялся. Он не был готов к такому вопросу, хотя безумно любил Изабель. Уж слишком памятным оказался для него Мичиган... Ему вспомнилось обручальное кольцо, подаренное им Шиле в День святого Валентина, которое она швырнула ему в лицо... Его планы, его мечты... То, как она ушла из его жизни, унося в своей дорожной сумке его сердце... Оказаться в таком же положении еще раз ему ох как не хотелось, и потому он всеми силами пытался защитить себя. Впрочем, Изабель Мартен была исключением...

– Мы очень дружны.

Ничего другого в голову Берни не пришло. Мать изумленно уставилась на него.

– Надеюсь, вас связывают не только дружеские отношения?

Глядя на мать, можно было подумать, что она подозревает сына в гомосексуальных наклонностях. Берни рассмеялся:

– Ну хорошо... Не только дружеские... Но это не означает, что мы собираемся пожениться. Все понятно? Теперь довольна? Тогда скажи – что мы будем заказывать?

Он заказал бифштекс для себя и рыбное филе для матери. Все остальное время они говорили исключительно о его работе. Они стали почти друзьями, хотя он виделся с родителями куда реже, чем после своего возвращения в Нью-Йорк. Свободного времени у него практически не было, с появлением же в его жизни Изабель времени этого не стало вообще.

Осенью Берни отправился в деловую поездку по Европе в сопровождении Изабель – куда бы они ни приезжали, их появление тут же становилось сенсацией. Они были неразлучны. Перед Рождеством Изабель переехала к Берни, и тому не оставалось ничего иного, как познакомить ее со своими родителями, хотя этого визита в Скарсдейл он по понятным причинам опасался. С его родителями Изабель вела себя крайне любезно, но откровенничать с ними явно не хотела. И вообще, ей вряд ли хотелось встречаться с ними вновь – она не скрывала этого от Берни.

– Мы так редко бываем одни...

Она мило надула губки. Более изысканной женщины Берни видеть не доводилось – порой он просто застывал, глядя, как она красит свое лицо, сушит волосы или идет со своей папкой под мышкой. Она словно гипнотизировала – хотелось смотреть на нее до бесконечности.

После той памятной встречи мать чувствовала себя подавленной. Изабель обладала странным качеством: люди, хоть как-то соприкасавшиеся с ней, казались себе до смешного жалкими. Единственным исключением был сам Берни, чувствовавший себя с ней настоящим мужчиной. Их отношения строились скорее на страсти, чем на любви. Они могли заниматься любовью всюду – в ванне, под душем, на полу, на заднем сиденье его автомобиля. Однажды они было занялись тем же в кабине лифта, но вовремя опомнились, сообразив, что двери вот-вот должны открыться. Весной он вновь взял ее во Францию, затем они снова поехали в Истгемптон, но на сей раз круг их знакомых был куда шире. Во время одной из вечеринок, проходивших на пляже в Коге, вниманием Изабель завладел некий кинорежиссер. На следующий же день Берни потерял Изабель. После непродолжительных поисков он, однако, обнаружил ее: Изабель занималась любовью с режиссером из Голливуда, и происходило это на палубе стоявшей неподалеку от берега яхты. Берни прослезился и поспешил прочь, испытывая невероятное смятение. Изабель была для него не просто любовницей, он действительно любил ее...

– Понимаешь, Бернар, мне как-то не хочется провести остаток жизни в клетке... Я должна иметь возможность... летать...

Все это он уже слышал в другой жизни. Там были походные ботинки и дорожная сумка, здесь – платье от Пуччи, туфельки от Шанель и чемодан от Луи Вюиттона.

– Под клеткой ты имеешь в виду меня?

Он смотрел на нее холодно. Он не собирался прощать ей все на свете. Его угнетала та легкость, с которой Изабель отдалась другому мужчине; скорее всего, нечто подобное происходило и прежде, просто он ни о чем не догадывался.

– Мой хороший, какая ж ты клетка? Ты просто замечательный человек... Но понимаешь, когда люди живут вдвоем... и живут долго...

С тех пор как она переехала к нему, прошло едва ли восемь месяцев.

– Боюсь, что наши отношения я оценивал неправильно, – пробормотал Берни.

Она кивнула и улыбнулась своей обворожительной улыбкой.

– Совершенно верно, Бернар. – И тут же ножом в сердце: – Я хочу поехать в Калифорнию. – Она ничего не скрывала. – Дик хочет сделать на студии пару проб. Если бы мне удалось сняться у него, я была бы очень рада.

Она говорила с тем же акцентом, который некогда растопил его сердце.

– Все с тобой понятно. – Берни закурил, что бывало крайне редко. – Ты никогда об этом со мной не говорила.

Сказанное имело смысл. Такое личико грех не показывать в кино. Обложек журналов для нее мало.

– Зачем бы я говорила об этом с тобой?

– Ну да! Ты ведь что-то могла поиметь и от «Вольфа».

Эти слова звучали подло, и он тут же пожалел о том, что произнес их вслух. Сильнее всего его задевало, что она больше не нуждается в нем.

– Прости, Изабель... – Он стоял посреди комнаты, глядя на нее сквозь дымную завесу. – И все же я бы на твоём месте не спешил.

Просить ее о чем-то было бессмысленно. Для себя она уже все решила.

– На той неделе я еду в Лос-Анджелес.

Он кивнул и направился к окну, за которым виднелось море. С минуту помолчав, он вновь повернулся к Изабель и, горько усмехнувшись, сказал:

– Прямо какое-то заколдованное место. Рано или поздно все они отправляются на Запад.

Он вновь вспомнил Шилу. Когда-то, давным-давно, он рассказывал о ней Изабель.

– Может, в конце концов и меня туда занесет?

Изабель улыбнулась:

– Ты принадлежишь Нью-Йорку, Бернар. Ты живешь тем, чем живет этот город.

Берни грустно покачал головой:

– А вот тебе этого мало...

Их взгляды встретились.

– Понимаешь... Это не ты... Дело вовсе не в тебе... Если бы я искала что-то... серьезное, если бы я хотела выйти замуж... Ты бы очень меня устроил. Правда.

– Я никогда не предлагал тебе ничего подобного.

И все же рано или поздно так должно было случиться – это понимали оба. Просто он не мог иначе, таким уж он был человеком, пусть порой о том и жалел. Был бы он посвободней... поразвязней... умел бы он снимать фильмы...

– Я себя в этой роли не представляю, Бернар. Понимаешь?

Еще бы! Она представляла себя только в роли кинозвезды. Через три дня после того как они вернулись в Нью-Йорк из Истгемптона, Изабель уехала со своим режиссером. Она уложила свои вещи куда аккуратней, чем это сделала Шила, не забыв прихватить при этом и те замечательные платья, что подарил ей Берни. Она доверху набила свои чемоданы от Луи Вьюиттона и напоследок оставила ему записку. Четыре тысячи долларов наличными, которые Берни прятал в ящике стола, она тоже взяла с собой, написав, что «занимает их и надеется, что он поймет все как надо». Съёмки прошли успешно, и уже через год Изабель появилась на экранах. К этому времени Берни было уже наплевать на нее. И не только на нее. Женщин у него хватало. Манекенщицы, секретарши, администраторы, миланская стюардесса, актриса, политик... Но все это было так – как бы между прочим. Сердце его вновь обратилось в камень.

Когда кто-то заводил речь об Изабель, Берни чувствовал себя круглым идиотом. Та, конечно же, не вернула ему ни денег, ни часов «Пиаже», пропажи которых он сразу не заметил. Она не прислала ему и рождественской открытки. Изабель использовала Берни и сменила его на другого мужчину, то же самое наверняка произошло и с его предшественниками. В Голливуде она тоже не теряла времени зря: снявшись в первом фильме, тут же нашла себе режиссера поименитей. Изабель Мартен могла пойти далеко, в этом Берни не сомневался. Родители вскоре поняли, что говорить с ним о ней не стоит: после какой-то неосторожно произнесенной ими фразы он покинул Скарсдейл вне себя от ярости и вернулся туда только через два месяца. Тема эта с той поры была запретной.

Он пришел в себя только через полтора года после исчезновения Изабель. В женщинах недостатка не было, дела шли прекрасно, магазин процветал. Проснувшись и увидев бушующий за окном буран, Берни все-таки решил отправиться на работу. Он хотел поговорить с Полом Берманом о летних планах магазина и разобраться с текущими делами. Ему в голову пришло несколько замечательных идей. Берни, одетый в тяжелое английское пальто и русскую меховую шапку, сошел на углу Шестьдесят третьей улицы и поспешил нырнуть в здание магазина. Оказавшись в торговом зале, он гордо огляделся. Он был женат на «Вольфе», иных привязанностей у него не было. Берни вошел в лифт и, нажав кнопку восьмого этажа, принялся отряхивать пальто от снега.

– Доброе утро, господин Файн, – сказал чей-то голос за мгновение до того, как двери закрылись. Берни улыбнулся и прикрыл глаза, обдумывая свой разговор с Полом. Если бы он знал, какой сюрприз тот готовит ему!

Глава 2

Пол Берман стоял у окна, задумчиво глядя на снежные вихри и думая о том, что эту ночь ему тоже придется провести в городе. В любом случае вернуться в Коннектикут теперь было невозможно. Прошлую ночь он провел в «Пьере», жене же пообещал ни в коем случае не завалиться в снег.

– Ну и денек. В магазине кто-нибудь есть?

Пола больше всего на свете поражали объемы выручки в ненастные дни. Для него оставалось загадкой, как люди могут тратить такие деньги.

Берни утвердительно кивнул:

– Посетителей, на удивление, много. Мы открыли два киоска, где продают чай, кофе и какао. Надо же хоть как-то вознаградить этих людей.

– Они пришли не случайно. Как приятно совершать покупки, когда в магазине практически нет людей. Лично мне это нравится.

Мужчины обменялись улыбками. Они были дружны вот уже двенадцать лет, и Бернارد никогда не забывал, что всей своей карьерой он обязан Полу. Именно Пол направил его в школу бизнеса и открыл перед ним все двери «Вольфа». Более того, он доверял Берни и относился к нему как к сыну, тем более что своих детей у Бермана не было. Пол предложил Берни сигару.

– Что ты думаешь о делах нашего магазина?

В такие дни только и делать, что разговаривать. Берни улыбнулся. Время от времени они с Полом устраивали такие неформальные обсуждения, в ходе которых родилось немало здравых идей, нашедших воплощение в нынешнем «Вольфе». Скажем, решение нанять нового руководителя в отдел моды возникло в ходе такого же разговора. Эта женщина, которую они сманили из «Сакса», уже успела принести магазину немалую прибыль.

– Я думаю, мы полностью контролируем ситуацию. А ты как считаешь, Пол?

Тот рассеянно кивнул, не зная, как лучше начать этот разговор. В любом случае от него было не уйти...

– Согласен. Именно по этой причине и у правления, и у меня возникла мысль о том, что мы должны совершить какой-то нестандартный ход.

– Да?

Берни занервничал. Пол Берман поминал правление лишь тогда, когда речь шла о чем-то действительно серьезном.

– Ты ведь знаешь, что в июне в Сан-Франциско должен открыться наш магазин, верно?

До июня оставалось еще добрых пять месяцев, и строительство шло полным ходом. Пол и Берни бывали на стройке уже несколько раз – пока все шло по плану.

– Возникает вопрос – кто же его может возглавить?

Берни с облегчением вздохнул. Еще минуту назад он полагал, что Пол собирается говорить о нем. Он знал, что Пол очень рассчитывает на Сан-Франциско. Денег у тамошней публики хоть пруд пруди. Женщины покупают дорогущие образчики высокой моды так, словно это какие-нибудь крендели. Вне всяких сомнений, «Вольфу» следовало появиться и там. К тому времени они успели неплохо окопаться в Лос-Анджелесе, теперь можно было двинуть и на север.

– Думаю, Джейн Уилсон была бы там на месте, да только, боюсь, она не захочет уезжать из Нью-Йорка.

Пол Берман нахмурился. Задача была куда более сложной, чем он полагал вначале.

– Не думаю, что она справится с такой задачей. Ей неостанет сил. Новому магазину нужен энергичный, хваткий хозяин, способный принимать самостоятельные решения и вырабатывать нестандартные идеи. Уилсон больше подходит для своей нынешней работы.

– Ну что ж, тогда придется начать все сначала. Что, если мы найдем кого-то на стороне? Скажем, в другом магазине?

Пришло время нанести решающий удар. Тянуть было нельзя. Пол посмотрел Берни в глаза.

– Мы хотим, чтобы это был ты, Бернард.

Берни побледнел. Этого не может быть, наверное, Пол шутит... Боже... Он ведь свое уже отработал. Разве мало было тех трех лет в Чикаго?

– Пол, я не могу... Я не стану!.. Сан-Франциско! – Берни был в полубморочном состоянии. – Но почему именно я?

– Потому, что ты обладаешь всеми названными качествами. Ты нужен нам там! Сколько бы мы ни искали, мы не найдем специалиста, равного тебе. Место же это для нас крайне важно. Ты понимаешь это и сам. Грандиозный рынок – очень чуткий, элитарный, модный... Малейшего просчета вначале достаточно для того, чтобы проиграть всю эту партию. Берни, – Пол посмотрел на него едва ли не заискивающе, – Берни, ты должен нас выручить.

– Но, Пол... Сан-Франциско-то вон он где! А как быть с моей нынешней работой?

Он совершенно не хотел уезжать из Нью-Йорка, ему здесь нравилось все, и прежде всего работа. Конечно, подводить Пола он был не вправе, но ведь все же есть предел!

– Будешь летать туда-сюда. А твои обязанности я возьму на себя – можешь не беспокоиться. Ты нужнее там.

– И на какой же срок вы меня туда посылаете?

– На год. Может, на два.

А может, и на двадцать два. Берни боялся именно этого.

– То же самое я слышал перед тем, как поехать в Чикаго. Но тогда я был помоложе... Я свое отработал и больше не желаю жить в захолустье... Там мне нечего делать. Сам город, конечно же, красив, но это такая ужасная провинция!

– Можешь развлекать себя в Лос-Анджелесе. Делай все, что угодно, главное – привыкни к тамошней жизни... И послушай... Будь у нас другой кандидат, я бы не заводил этого разговора, но у нас действительно никого нет. И еще – у нас уже не осталось времени на поиски. Нужно присутствовать при окончании строительства, подготовиться к открытию, разобраться с рекламой... – Он нетерпеливо взмахнул рукой. – Я могу не продолжать, ты и сам прекрасно понимаешь. Это огромная ответственность, Бернард. Совершенно новый магазин, уступающий разве что этому.

Предмет его гордости. Но при чем здесь он, Берни? Берни тяжело вздохнул. Увы, утро оказалось не таким уж и добрым, он уже начинал жалеть, что пришел на службу. Впрочем, это ничего не меняло. Пол своих решений не отменял никогда.

– Мне нужно немного подумать.

– Пожалуйста.

Их глаза вновь встретились. На сей раз выражение глаз Берни насторожило Пола.

– Если я буду знать, что проведу там не больше года, все будет выглядеть не так драматично.

Он печально улыбнулся. Естественно, Пол не мог обещать ему этого. Сначала магазин нужно было подготовить к передаче в чьи-то руки, затем передать – все это требовало немалого времени. Для того чтобы открыть новый магазин и поднять его на ноги, нужно два-три года нежно лелеять его. Такая перспектива Берни не устраивала. Как не устраивала его и жизнь в Сан-Франциско.

Пол Берман поднялся из-за стола.

– Ты, конечно, подумай. Я же хочу, чтобы ты знал мою позицию. – Рисковать Берни, что бы там ни говорил совет директоров, он был не вправе. – Я очень дорожу тобой.

Было понятно, что Пол говорит совершенно искренне. Берни доверчиво улыбнулся:

– Моя же позиция состоит в следующем – никогда и ни за что не подводить тебя.

– Значит, решение в любом случае будет верным. – Пол Берман протянул Бернardu руку, и они обменялись рукопожатиями. – Подумай об этом хорошенько.

– Я иначе не могу, ты же знаешь.

Вернувшись в свой кабинет, он запер дверь и устался в окно. Чувство было такое, словно по нему проехали трактором. Представить, что он живет в Сан-Франциско, было решительно невозможно. Он слишком любил Нью-Йорк. Открывать новый магазин, каким бы элитарным и совершенным он ни был, дело крайне неблагодарное. Тем более что это будет происходить не в Нью-Йорке. Несмотря на бураны, и грязь, и нестерпимую июльскую жару, он очень любил этот город. Картинные уютные городки на берегу моря никогда не влекли его. Берни усмехнулся, вспомнив вдруг о Шиле. Это скорее в ее вкусе. Теперь ему остается одно – купить походные ботинки... Берни погрузился в мрачные думы. Зазвонил телефон. Это была мать.

– Что с тобой, Бернaрд?

– Ничего, мам. День был тяжелый.

– Ты не заболел?

Он прикрыл глаза и попытался придать голосу большую живость.

– Нет. Все в порядке. Как у вас с папой?

– Скверно. Умерла госпожа Гудман. Ты ее помнишь? Когда ты был малышом, она для тебя булочки пекла.

Миссис Гудман уже и тогда была старой, прошло же с той поры тридцать лет. Стало быть, смерть ее не была такой уж неожиданностью. Мать вновь вернулась к прежней теме:

– Так что же с тобой стряслось?

– Все в полном порядке, мама. Я же сказал.

– Мне не нравится твой голос. Ты кажешься подавленным и усталым.

– День выдался трудный. – Он сказал это сквозь зубы, терзаясь мыслью о том, что его вновь ссылают в Сибирь. – Не обращай внимания. Лучше скажи – мы будем устраивать обед по случаю вашего юбилея? Куда бы ты хотела пойти?

– Даже не знаю. Папа хотел бы, чтобы ты приехал к нам.

Берни знал, что это неправда. Отец предпочитал бывать на людях, ему хотелось как-то развеяться после напряженной работы. Кто любил сидеть дома, так это мать.

– Как тебе «21»? Или ты предпочитаешь что-нибудь французское? «Берег басков»? Может, «Лягушка»?

– Ладно, – сказала мать с облегчением. – «21».

– Отлично. Для начала часиков в семь вы заедете ко мне – мы немного выпьем. А в «21» отправимся к восьми.

– Ты будешь с девушкой?

В голосе матери звучала обида. Можно было подумать, что его повсюду сопровождают девушки.

– С чего это вдруг?

– Как это с чего? Ты никогда не знакомишь нас со своими подружками. Может быть, ты нас стыдишься?

– Конечно же, нет, мама. Слушай, мне пора идти. Увидимся на той неделе. В семь у меня.

Берни знал, что мать перезвонит еще разa четыре с тем, чтобы узнать, не изменились ли у него планы, заказан ли столик, будет ли с ним девушка или нет и так далее.

– Да, папе привет передай.

– Ты бы ему хоть иногда позванивал...

Он повесил трубку и улыбнулся. Интересно, был бы он похож на нее, имей он детей? Впрочем, это ему пока не грозило. С год назад одна из его пассий было решила, что у нее будет ребенок, но вскоре стало понятно, что она ошиблась. На этом все и кончилось. Берни никогда не задумывался о подобных вещах: во-первых, ему было некогда, во-вторых, он считал, что ребенок должен быть плодом любви, а не чего-то иного. В этом смысле он оставался идеалистом, кандидаток же на роль матери рядом не было... Он сидел, глядя на кружение снежинок и с грустью думая о том, что скоро ему придется оставить привычную жизнь. Покидая магазин, Берни едва не расплакался. Ночь была морозной и ясной, ветер стих. Он решил не дожидаться автобуса и направился напрямик на Мэдисон-авеню, поглядывая время от времени на залитые светом витрины магазинов. Город казался сказочным – кто-то катался на лыжах, кто-то играл в снежки, беззвучно проплывали мимо редкие машины... К тому времени, когда он добрался до своего дома и вошел в кабину лифта, настроение у него уже было совсем другим. Да, уезжать из Нью-Йорка было безумием, но что он мог сделать? Увольняться с работы Берни не собирался, и это означало, что у него попросту нет иного выхода.

Глава 3

Мать изумленно уставилась на него, тут же забыв о супе. Можно было подумать, что он собирался сделать что-то экстравагантное – присоединиться к колонии нудистов или сменить пол.

– Куда ты едешь? Они тебя уволили или только понизили в должности?

– Ни то и ни другое, мама. Они хотят, чтобы я стал управляющим в нашем новом магазине в Сан-Франциско. Для нас это второе по важности место после Нью-Йорка.

Он говорил ей все это лишь для того, чтобы убедить в чем-то самого себя. Через два дня после разговора с Полом Берни дал ему ответ, и с этих пор он был мрачным как туча. Они сделали феноменальную прибавку к его жалованью, а Берман лишний раз напомнил ему, что в один прекрасный день он, Берни, станет управлять всем «Вольфом» и произойти это может уже по возвращении его из Сан-Франциско или несколько позже. Берни был очень благодарен ему, но свыкнуться с мыслью о том, что скоро ему придется уехать, было крайне сложно. Он решил сохранить квартиру, сдав ее на год-другой, – в Сан-Франциско он застревать не собирался. Берни уже сказал Полу, что постарается уладить все дела за год. В ответ он не услышал ничего конкретного, но Берни и так знал, что его возвращения здесь будут ждать с нетерпением. Он мог продержаться и все восемнадцать месяцев, если того будут требовать интересы дела. Срок мог оказаться и большим, но матери Берни об этом решил не говорить.

– Но почему именно в Сан-Франциско? Там же кругом хиппи. Они разве носят одежду?

Он улыбнулся:

– Представь себе. И даже очень дорогую. Можешь приехать и посмотреть. – Он вновь улыбнулся, глядя на родителей. – Хотите приехать на открытие?

У матери был такой вид, будто ее пригласили на похороны.

– Возможно. Когда оно состоится?

– В июне.

Он знал, что в это время они свободны. В июле родители собирались отправиться в Европу, июнь же у них не был занят ничем.

– Не знаю... Посмотрим. Все будет зависеть от папиной работы...

Отец всегда был козлом отпущения, но его это особенно не расстраивало. Они сидели в ресторане, и это был один из тех редких моментов, когда он мог не думать о работе.

– Скажи, сынок, это действительно повышение?

– Да, папа. Это очень ответственная и престижная работа. Пол Берман и совет директоров могут поручить ее только мне. Но, должен признаться, я бы с большим удовольствием остался в Нью-Йорке.

– Это с кем-то связано?

Мать задала этот вопрос шепотом, низко склонившись над столом. Берни рассмеялся.

– Нет, мама. Ни с кем это не связано. Просто я очень люблю Нью-Йорк. Надеюсь, что там я пробуду недолго, пусть Сан-Франциско и не самое скверное место на свете... это могли быть и Кливленд, и Майами, и Детройт... Может быть, по-своему они и неплохи, но они – не Нью-Йорк. В этом-то все и дело.

Берни печально улыбнулся.

– Говорят, в Сан-Франциско полным-полно гомосексуалистов.

Мать с тревогой посмотрела на своего единственного сына.

– Мама, я смогу о себе позаботиться. – Он посмотрел на родителей. – Мне будет очень не хватать вас.

– Ты что – и приезжать совсем не будешь?

В глазах у матери появились слезы. Берни почувствовал что-то вроде жалости и погладил ее руку.

– Я буду мотаться туда-сюда. Но жить я буду все-таки там. Хорошо, если вы меня будете навещать. Хотелось бы, чтобы вы присутствовали и на открытии. Это такой магазин!

Он говорил это себе и в начале февраля, пакуя вещи, прощаясь с друзьями, последний раз обедая с Полом в Нью-Йорке. В День святого Валентина, всего через три недели после того, как ему предложили сменить работу, он уже летел в Сан-Франциско, не уставая поражаться этому обстоятельству и коря себя за то, что не нашел в себе сил уволиться. Как только они покинули Нью-Йорк, вновь поднялся буран. В Сан-Франциско прилетели в два часа дня. Было тепло и солнечно, дул легкий ветерок. Повсюду цвели цветы. Нью-Йорк становился таким лишь в мае или июне. Впервые за все последнее время Берни мог вздохнуть с облегчением. На что, на что, а уж на погоду жаловаться не приходилось. Номер в «Хантингтоне» тоже был на удивление приятным.

Магазин был еще не достроен, но он потряс Берни. На следующий же день он позвонил Полу, чему тот был крайне рад. Все шло по плану. Строительство подходило к завершению, с отделочными материалами проблем не предвиделось, так что отделку можно было начать в любой момент. Берни встретился с агентами по рекламе и дал интервью «Кроникл». Все шло как нельзя лучше, и руководил всем он, Берни.

Оставалось открыть магазин и подыскать себе квартиру. Первое заботило Берни куда больше. С квартирой же он разобрался в два счета – снял меблированные комнаты в новой многоэтажке на Ноб-Хилл. Отсюда до его работы было два шага, пусть квартира его при этом и оставляла желать лучшего.

Открытие прошло великолепно. Оно стало именно тем, чем и должно было стать. Пресса заранее была настроена благожелательно. Здесь же, в магазине, они устроили замечательную вечеринку с безукоризненно одетыми официантами, разносившими гостям икру, закуски и шампанское, и манекенщицами, поражавшими публику не только своими одеяниями. Гости могли беспрепятственно бродить по всему магазину, танцевать и участвовать во всевозможных увеселениях. Берни мог гордиться своим магазином. Удивительная легкость сочеталась здесь с изысканным стилем – непринужденность Запада с шиком Нью-Йорка. Немало изумлен был даже и сам Пол Берман.

На открытие явилось столько людей, что пришлось выставлять полицейские кордоны. Впоследствии оказалось, что все затраты окупилась сторицей – сумма продаж за неделю была фантастически высокой. Больше всех радовалась мать Берни. Она тут же решила, что ей еще никогда не доводилось бывать в таких прекрасных магазинах. Каждой продавщице она сообщала о том, что управляет этим магазином не кто-нибудь, но именно ее сын, который рано или поздно станет руководителем всей сети магазинов «Вольф». Сама она в этом ни минуты не сомневалась.

Через пять дней родители отправились в Лос-Анджелес, и Берни почувствовал себя страшно одиноким. Все члены правления вернулись в Нью-Йорк на следующий день после церемонии открытия, Пол в ту же ночь улетел в Детройт. Берни остался в этом городе один-одинешенек, здесь у него не было ни единого знакомого. Стерильные уродливые его апартаменты, где властвовали бежевый и коричневый цвета, действовали на Берни угнетающе. Теперь он жалел, что не снял какую-нибудь милую квартирку в викторианском стиле. Впрочем, особого значения это не имело. В магазине он проводил все семь дней недели, поскольку выходных решили не делать – магазин был открыт каждый день. Разумеется, Берни мог и не бывать здесь по уик-эндам, но ему попросту больше нечем было заняться. Все сотрудники магазина знали, что Берни работает как бешеный, и все соглашались с тем, что он человек порядочный и добрый. Он многого требовал от них, но еще строже относился к самому себе. Соответственно, какие-либо претензии к нему были невозможны. Он всегда

знал, что хорошо и что плохо для магазина, чем следует и чем не следует торговать – на эти темы спорить с ним было бессмысленно. Берни всегда выражался определенно и всегда оказывался прав. Каким-то невероятным образом он угадывал все мыслимые и немыслимые колебания спроса и моды, хотя практически не знал этого города. Все находилось в движении: какие-то товары пересылались в другие города, какие-то, напротив, ввозились. Система работала как часы, и потому все в магазине привыкли относиться к нему с уважением. Никого не смущала даже его привычка часами бродить по залам. Ему хотелось знать, что носят люди, как они совершают покупки, чему они отдают предпочтение. Он беседовал с домохозяйками, юными девицами и пожилыми холостяками, его интересовали даже дети. Он хотел знать о них все и потому, как говорил он сам, должен был постоянно находиться на переднем крае.

Порой посетители просили проверить чек или обменять товар, и он никогда не отказывал им, тут же отыскивал нужного продавца и решал все проблемы. Персонал быстро привык и к этому. Его видели всюду – рыжеватые волосы, аккуратно подстриженная бородка, добрые зеленые глаза и добротные сшитые английские костюмы. Никто и никогда не слышал от него ни единого бранного слова. Если он и хотел, чтобы нечто происходило иным образом, он говорил об этом спокойно, пытаясь убедить подчиненного в своей правоте. Тем самым он снискал еще большее уважение сотрудников. Пол Берман, регулярно просматривавший сводки, поступавшие из Сан-Франциско, мог быть доволен. Новый магазин стал ведущим магазином фирмы. Не за горами тот день, когда Берни займет место управляющего всей торговой системой «Вольфа». Пол Берман в этом не сомневался.

Глава 4

Первый месяц был суматошным для всех, но к июлю дела в целом устоялись, и они приступили к осенним продажам. На следующий месяц Берни запланировал несколько показов моды. В июле же их ожидало грандиозное событие – начинался оперный сезон. Открытие оперного сезона было едва ли не главным событием в жизни Сан-Франциско. За платье, которое надевалось один-единственный раз, женщины были готовы заплатить пять, семь и даже десять тысяч долларов.

Оперные платья были развешаны внизу – в запертой комнате, которую охранял агент службы безопасности. Берни опасался пиратов, фотографов и особенно воров, ибо каждое такое платье стоило пусть и маленькое, но состояние. С мыслями об оперной коллекции он и поднимался в этот июльский день на один из верхних этажей. Он сошел с эскалатора и направился в отдел, торговавший детской одеждой. С неделю назад там возникли какие-то проблемы, связанные с предстоящим началом учебного года. Берни хотел убедиться в том, что проблем больше не существует и интересующий их товар получен.

Он поговорил с покупателем, стоявшим у кассы, дал указания работавшим в отделе продавцам и принялся осматривать витрины с товаром. Возле стойки, на которой были развешаны яркие купальные костюмы, продажу которых намечалось начать со следующей недели, он увидел маленькую девочку с большими голубыми глазами. Она смотрела на него испытующе, словно пыталась понять, чего от него можно ожидать. Берни улыбнулся.

– Привет. Как делишки?

Задавать такой вопрос пятилетнему ребенку было по меньшей мере странно, но ничего иного в голову Берни не приходило. Его коронный вопрос – «любишь ли ты свою школу?» – звучал бы сейчас совсем некстати.

– Тебе в магазине нравится?

– Нормально. – Девочка пожалала плечиками. Берни явно интересовал ее больше, чем магазин. – Ненавижу бороды.

– Мне больно это слышать.

Более красивого ребенка Берни еще не видел. Девочка была одета в розовое платьице, в ее светлые косы были вплетены розовые же ленточки. За собой она волокла дорогую куклу.

– Борода колючая.

Она сказала это так, словно хотела научить Берни уму-разуму. Ему не оставалось ничего иного, как только кивнуть в знак согласия. До этих самых пор он считал свою бородку шелковистой и мягкой, правда, он никогда не щекотал ею маленьких детишек... Девочка действительно была на удивление милой. Женщины Сан-Франциско Берни не импонировали – ему не нравился их стиль: длинные распущенные волосы, голые ноги в уродливых сандалиях, бесконечные майки и джинсы. Берни предпочитал здешней свободе подтянутость жительниц Нью-Йорка: высокие каблуки, шляпки, немыслимые аксессуары, идеально ухоженные волосы, серьги, меха... Казалось бы, эти детали были несущественными, но для Берни они имели огромное значение.

– Кстати, меня зовут Берни.

Он протянул девочке руку, и она, нисколько не смущаясь, пожалала ее.

– А меня зовут Джейн. Ты здесь работаешь?

– Да.

– Они хорошие?

– Очень хорошие.

Видимо, под словом «они» Берни следовало разуместь самого себя.

– Тебе везет. Там, где моя мама работает, они плохие. Иногда ее даже обижают.

Девочка говорила с ним очень серьезно. С трудом удерживаясь от улыбки, Берни искал глазами ее мать. У него возникло такое чувство, что ребенок потерялся, но сказать об этом девочке он не мог – не хотел лишний раз пугать ее.

– Бывает так, что я болею, а они все равно заставляют маму ходить на работу. – Ребенок был потрясен жестокосердием маминых работодателей. И тут же глаза девочки расширились – она вспомнила о матери. – А где моя мама?!

– Я не знаю, Джейн.

Он нежно улыбнулся ей и посмотрел по сторонам. Кроме нескольких продавщиц, стоявших возле кассы, в зале никого не было – в том числе и матери Джейн.

– Где ты видела маму в последний раз?

Девочка косо посмотрела на Берни и задумалась.

– Она покупала внизу розовые колготки... Я хотела посмотреть купальные костюмы. – Можно было не сомневаться в том, что она пришла сюда сама. – На той неделе мы поедем на море... А у меня таких хороших купальников нет...

Она стояла возле стойки, на которой были развешаны крохотные бикини. Берни заметил, что у девочки задрожала нижняя губа, и протянул ей руку.

– Пойдем поищем твою маму.

Девочка замотала головой и сделала шаг назад.

– Мне с чужими ходить нельзя.

Берни жестом руки подозвал к себе одну из женщин. Девочка вот-вот могла расплакаться, пока же она держалась молодцом.

– Давай так. Эта леди отправится на поиски твоей мамы, мы же тем временем пойдем в ресторан и закажем мороженое. Как тебе такое?

Джейн с опаской посмотрела сначала на Берни, затем на улыбающуюся продавщицу. Берни рассказал последней о том, что стряслось с девочкой и где она видела свою маму в последний раз, а напоследок, уже шепотом, добавил:

– Думаю, можно воспользоваться системой оповещения. Свяжитесь с моим офисом, пусть они об этом позаботятся.

Система оповещения была создана в магазине на случай пожаров, угрозы взрыва и прочих непредвиденных обстоятельств. С ее помощью мать Джейн можно было найти элементарно. Берни перевел взгляд на девочку – та вытирала слезы платтицем своей куклы.

– Скажи, как зовут твою маму? Какая у нее фамилия?

Берни вновь улыбнулся, чувствуя, что девочка доверяет ему, пусть он и не мог стронуть ее с этого места. Мать вышколила ее основательно.

– Такая же, как у меня...

– А у тебя какая?

– О'Райли. – Девочка неожиданно заулыбалась. – Это ирландская фамилия. Я – католичка. А ты?

Он явно понравился ей. Берни усмехнулся – может быть, это и есть та самая женщина, которую он ждал все эти тридцать четыре года... В любом случае ничего подобного ему еще не доводилось видеть.

– Я – еврей, – ответил Берни, стоило уйти продавщице.

– Как это?

Джейн была явно заинтригована.

– У нас вместо Рождества – Ханука.

– А Санта-Клаус к вам приходит?

– Мы восемь дней обмениваемся подарками.

Вместо ответа на вопрос Джейн Берни сказал то, что не могло не впечатлить девочку. Иного выхода не было.

– Восемь дней?! Как здорово! – Тут она вновь стала очень серьезной. – Ты веришь в бога?

Он утвердительно кивнул, поразившись тому, что девочка думает об этом. Для него идея бога стала обретать реальность куда позже. Нет, эту девочку он встретил не случайно...

– Верю.

– И я верю. – Джейн с интересом посмотрела на него. – Как ты думаешь – мама скоро придет?

– Я в этом не сомневаюсь. Может, ты все же согласишься отведать мороженого? Ресторан здесь совсем рядом.

Он указал в нужную сторону, и она с интересом туда посмотрела. Не говоря ни слова, она вложила свою крохотную ладошку в его руку, и они отправились есть мороженое.

В баре он помог ей взобраться на стул и заказал банановый сплит, которого не было в меню. Через минуту заказ был уже выполнен, и Джейн с блаженной улыбкой принялась уплетать мороженое. О матери она, конечно же, не забывала ни на минуту, но это не мешало ей трещать без умолку, рассказывая Берни об их квартире, о пляже и о школе. Ей всегда хотелось иметь собаку, но хозяин квартиры был против этого.

– Он – жадина, – сказала Джейн, набив рот смесью бананов, орехов и мороженого. – И жена у него жадина. Она такая толстая-претолстая.

Берни серьезно кивал ей, поражаясь тому, как он мог жить без нее все эти годы.

– У вас очень красивые купальники.

– Какой же тебе понравился больше всего?

– Те маленькие, у которых есть и верх и низ. Мама говорит, что мне верх не нужен, но мне все равно так больше нравится. – Джейн умудрилась перепачкать шоколадом не только щеки, но и нос. – Мне нравится синий, розовый... красный и оранжевый...

Едва Джейн проглотила последний кусочек банана, за которым последовали вишенка и взбитые сливки, как в баре появилась молодая женщина с длинными золотистыми волосами.

– Джейн!

Она не уступала дочери красотой. Мать, на лице которой были видны следы слез, прижимала к себе дамскую сумочку, три свертка, курточку Джейн и еще одну куклу.

– Куда ты пропала?

Джейн потупилась.

– Я хотела посмотреть...

– Чтобы этого больше не было!

Мать схватила Джейн за руку и, притянув к себе, прижала дочку к груди. Видно было, что она испугалась не на шутку. Бернарда она заметила далеко не сразу.

– Ой, простите...

На ней были сандалии, майка и джинсы, но она была куда изящнее и интереснее большинства женщин – удивительно хрупкая, с такими же, как у Джейн, огромными голубыми глазами.

– Вы уж извините нас за беспокойство.

Всего минуту назад весь первый этаж был занят исключительно поисками матери и ребенка. Мать Джейн решила, что ее ребенка похитили, и тут же сообщила об этом продавцу и помощнику управляющего. Вскоре об этом знал уже весь магазин, но тут по системе оповещения прозвучало сообщение о том, что девочка находится в ресторане.

– Все нормально. Нам к таким вещам не привыкать. К тому же мы прекрасно провели время.

Он и Джейн обменялись многозначительными взглядами, и тут Джейн неожиданно оживилась:

– Представляю, на что бы ты был похож, если бы съел банановый сплит! Поэтому я бород и не люблю!

Оба засмеялись, мать же изумленно уставилась на своего ребенка.

– Джейн!

– Думаешь, не так?

– Она права, – рассмеялся Берни. Ему так понравилась эта девочка, что он не хотел с ней расставаться. Молодая женщина покраснела.

– В самом деле, простите нас. – Только теперь она вспомнила о том, что забыла представиться. – Меня зовут Элизабет О’Райли.

– И вы – католичка. – Берни вспомнилось вдруг замечание Джейн. Увидев, что слова его ошеломили мать девочки, он поспешил объясниться: – Простите... У нас с Джейн вышел очень серьезный разговор на эту тему.

Джейн утвердительно кивнула и опустила в рот еще одну засахаренную вишню.

– А он не католик... Он... Как это называется?

– Еврей, – подсказал Берни. Элизабет О’Райли заулыбалась. Конечно, она привыкла к Джейн, но порой та ее поражала...

– Они отмечают Рождество восемь раз! – Теперь засмеялись и Элизабет, и Берни. – Честное слово! Он сам мне это сказал. Правда?

Она вопросительно посмотрела на Берни, и он согласно кивнул.

– Ханука. Это она о Хануке говорит.

Его семья относилась к реформатской ветви иудаизма, он же вообще никак не ассоциировал себя с ним и уже много лет не посещал синагоги. Ему хотелось понять, насколько верующей была миссис О’Райли и существовал ли рядом с нею мистер О’Райли. Он не успел поговорить на эту тему с Джейн, сама же она не обмолвилась об этом ни словом.

– Не знаю, как вас и благодарить.

Элизабет старалась не смотреть на него, казалось, все ее внимание сосредоточено на Джейн.

– У них такие хорошие купальники.

Элизабет кивнула в знак согласия и протянула Берни руку.

– Еще раз спасибо. Идем, старушка, нам домой пора. У нас еще много дел.

– Может, сначала пойдем посмотрим купальники?

– Нет, – уверенно отрезала мать.

Джейн церемонно пожала Берни руку и, просияв улыбкой, сказала:

– Ты хороший, и мороженое у тебя вкусное. Спасибо большое.

Берни почувствовал, что ему действительно не хочется расставаться с девочкой. Он стоял наверху эскалатора, печально глядя на трогательные косички Джейн. Ему казалось, что он прощается со своим единственным другом в этой богом забытой Калифорнии.

Он подошел к кассе и поблагодарил продавщицу за помощь. В тот же миг вниманием его завладела стойка с бикини. Берни подошел к ней и снял три пары купальников шестого размера – оранжевый, розовый и голубой. Красных купальников ее размера здесь не было. Он подобрал к купальникам пару шапочек и маленький махровый халатик. После этого он вновь подошел к кассе.

– Запросите компьютер – есть ли среди наших клиентов Элизабет О’Райли? Имени ее супруга я не знаю.

Он очень надеялся на то, что такового не существует в природе. Через две минуты его известили о том, что на Элизабет О’Райли открыт отдельный счет, живет же она на Вальехо-стрит, находящейся на Пасифик-Хайтс.

– Прекрасно.

Берни записал в блокнот адрес и телефон О'Райли, сделав вид, что они нужны ему для какого-то там учета. Он попросил упаковать пляжную одежду и адресовать ее мисс Джейн О'Райли, сняв необходимые для этого средства с его счета. К одежде он приложил карточку, на которой было написано следующее: «Благодарю за прекрасную беседу. Надеюсь на скорую встречу. Твой друг Берни Файн». После этого Берни легкой походкой направился к своему кабинету, чувствуя, что мир, в конце концов, не такое уж и скверное место.

Глава 5

Купальные костюмы попали к адресату в среду, и уже в четверг Лиз позвонила ему с тем, чтобы выразить свою благодарность.

– Вам не следовало этого делать. Она и так только и говорит, что о банановом сплите и ваших разговорах.

Молодой голос Элизабет О’Райли вызвал в памяти ее отсвечивающие золотом волосы.

– По-моему, она вела себя героически. Джейн поняла, что вас нет рядом, но сохраняла спокойствие. В пятилетнем возрасте это совсем непросто.

Элизабет улыбнулась.

– Она очень милый ребенок.

«Так же, как и ее мама», – едва не вырвалось у Берни.

– Как ей купальники? Подошли?

– Лучше не бывает. Вчера она устроила целое представление. У нее и сейчас под платьем купальник... Она в парке – с друзьями. А у меня сегодня масса дел. Нам сдали дом на Стинсон-Бич, так что скоро нам этот пляжный гардероб пригодится. – Лиз засмеялась. – Спасибо вам огромное...

Она не знала, что сказать ему еще, и мучительно подыскивала слова. То же самое происходило и с Берни. Ощущение было такое, что он должен с ней разговаривать на каком-то другом языке. Все началось сызнова...

– А... мог бы я увидаться с вами?

С трудом выговорив эти слова, Берни почувствовал себя последним идиотом. Каково же было его удивление, когда он услышал в ответ:

– Я была бы только рада.

– Правда?

Изумление было настолько неподдельным, что она рассмеялась:

– Конечно. Может быть, вы приедете к нам на Стинсон-Бич?

Все это прозвучало легко и естественно. А ведь она могла обставить все так, словно он едва ли не силой вырвал у нее это приглашение. В голосе ее не чувствовалось ни малейшего удивления – только радушие.

– С превеликим удовольствием. Сколько времени вы там пробудете?

– Две недели.

Он стал прикидывать, какой день недели был бы для него самым удобным. Он вполне мог отлучиться из магазина в субботу, особых дел в этот день у него не было.

– Что, если это будет суббота?

До субботы оставалось всего два дня. От волнения у Берни вспотели ладони.

Она на минуту замолкла, припоминая, кто и в какой день должен был прийти к ним в гости. Суббота была свободной.

– Кажется, это... Да, да – отлично! Так и договоримся.

Она улыбнулась, вспомнив Берни. Очень приятный мужчина, неженатый, но и не похож на гея. Не случайно же он и Джейн так понравился.

– Кстати, вы женаты?

– Господи, конечно же, нет! Как вы могли подумать!

Ага. Вон оно как. Один из этих.

– У вас на женщин аллергия, да?

– Нет. Просто у меня очень много работы.

Лиз была открытым человеком и не скрывала своего интереса к нему. Сама она вторично в брак вступать не собиралась – на то у нее были причины. Раз обжегшись, она не

хотела рисковать вторично. Впрочем, может быть, этот человек тоже испытал нечто подобное.

– Вы разведены?

Берни улыбнулся, поразившись этому вопросу.

– Нет, не разведен. К женщинам я отношусь нормально. В моей жизни их было две, но это уже в прошлом... Я не мог уделять кому-то слишком много времени, понимаете. Последние десять лет я был занят исключительно собственной карьерой.

– У вас никогда не возникало ощущения пустоты? – Она словно видела его насквозь. – Мне хорошо – у меня есть Джейн.

– Да, все верно. – Он замолчал, вспомнив вдруг о девочке, и решил оставить вопросы на потом. Глупо разговаривать с человеком, если ты не видишь его лица, глаз, рук... – Значит, увидимся в субботу. Что я должен взять с собой? Какие-то продукты? Вино? Еще что-то?

– Да. Норковую шубу.

Он засмеялся и повесил трубку. Настроение у него было прекрасное. Голос Лиз дышал непосредственностью и теплом, чувствовалось, что она лишена всяческой корысти. Она не принадлежала и к породе мужененавистниц, по крайней мере впечатление производила именно такое.

В пятницу вечером, прежде чем отправиться домой, Берни зашел в гастроном, работавший при их магазине, и купил два пакета продуктов: шоколадного медведя для Джейн, коробку шоколадных трюфелей для Лиз, бри двух сортов, батон, доставлявшийся на самолете из Франции, маленькую баночку с икрой, банку с паштетом, две бутылки вина, красного и белого, и коробку с глазированными орехами.

Поставив пакеты в багажник машины, Берни поехал домой. В десять утра следующего дня он принял душ, побрился, надел джинсы, старую синюю рубашку и выдавшие виды теннисные туфли. Затем он направился в прихожую и достал из шкафа теплую куртку. Всю эту старую, но удобную одежду он привез с собой из Нью-Йорка – в ней он ходил на стройку. Стоило ему одеться и взять в руки пакеты со снедью, как зазвонил телефон. Он хотел было проигнорировать звонки, но тут подумал о том, что позвонить могла и Элизабет: а вдруг у нее поменялись планы или она захотела попросить его купить что-то. Берни снял трубку, не выпуская из рук пакеты и куртку.

– Да?

– Так на звонки не отвечают, Бернард.

– Привет, мам. Понимаешь, я спешу.

– В магазин?

Начинался допрос.

– М-м-м... Нет, на море. Я еду к друзьям.

– Я их знаю?

Вопрос этот следовало понимать так: «Они понравились бы мне?»

– Нет, мам. Вряд ли. У тебя все в порядке?

– Все прекрасно.

– Вот и хорошо. Я перезвоню тебе вечером или завтра утром – из магазина. Мне надо убежать.

– Должно быть, это что-то очень важное, если ты не можешь уделить родной матери пяти минут. Это какая-то девушка?

Нет. Это женщина. Женщина с ребенком. И зовут ребенка Джейн.

– Нет, нет, мам. Я же сказал – я встречаюсь с друзьями.

– Смотри, Бернард, поосторожнее с друзьями. Люди, сам понимаешь, разные бывают. Берни устало вздохнул. Ох, как он устал от этих разговоров!

– Все в порядке, мама. Я тебе скоро перезвоню.

– Ладно. Главное, не забудь надеть шляпу, а то заработаешь солнечный удар.

– Привет папе.

Берни повесил трубку и поспешил покинуть свои апартаменты. Мать забыла сказать ему о том, что в море водятся акулы. Мать любила предупреждать его о грозящих ему опасностях, о которых она узнавала из «Дейли ньюс». Испорченные продукты, от которых скончались два жителя Де-Мойна... ботулизм... болезнь легионеров... сердечный приступ... геморрой... интоксикация... Мир был полон угроз. Конечно, приятно, когда о твоём здоровье кто-то заботится, но только не с такой страстностью, как это делала его мать.

Он поставил пакеты на заднее сиденье машины и через десять минут уже ехал на север по мосту Золотые Ворота. На Стинсон-Бич бывать ему еще не доводилось. Берни нравилось ехать по петляющей, извилистой дороге, шедшей по хребту, откуда открывался вид на море, из которого поднимались могучие скалы. Все это походило на Биг-Сюр в миниатюре. Он въехал в маленький городок и стал искать нужную улицу. Дом, снятый Лиз, находился на территории общинного землевладения. Берни пришлось назвать охраннику, стоявшему у шлагбаума, свое имя, прежде чем тот пропустил его. Милое это местечко очень походило на Лонг-Айленд или Кэйп-Код. Нужный дом Берни разыскал в два счета. У крыльца стояли трехколесный велосипед и облезлая деревянная лошадка, каких Берни не видел с детства. Он позвонил в старый школьный колокольчик, висевший возле калитки, и вошел во двор. Тут же его взору предстала Джейн, одетая в один из подаренных им бикини и махровый халат.

– Привет, Берни, – сказала она, сияя, вспомнив разом и о банановом сплите, и об их разговорах. – Мне так нравится мой купальник.

– Он тебе очень идет. – Берни подошел к Джейн. – Тебя надо взять к нам манекенщицей. Где твоя мама? Только не говори, что она снова потерялась. – Берни шутливо нахмурился, на что Джейн тут же ответила звонким смехом. – Она часто это делает?

Джейн замотала головой.

– Нет. Только иногда... в магазинах.

– Что в магазинах? – Из-за двери показалась Элизабет. – Привет. Как дорога?

– Прекрасно.

Они обменялись улыбками.

– Далеко не всем она нравится – уж слишком петляет.

– Меня на ней укачивает, – вставила Джейн с улыбкой. – Зато здесь мне нравится.

– Ты, наверное, сидела на переднем сиденье, а окно было открыто, так? – спросил

Берни с участием.

– Угу.

– А перед этим ты ела соленые орешки или... или банановый сплит, верно?

Тут он вспомнил о шоколадном медведе и, достав его из пакета, передал пакет Лиз.

– Это вам маленькие гостинцы...

Элизабет казалась удивленной и тронутой, Джейн же радостно завопила, стоило ей понять, что она держит в руках. Медведь был больше ее куклы.

– Мамочка, можно я его съем прямо сейчас?.. Ну, пожалуйста! – Она посмотрела на Лиз с такой мольбой, что та застонала. – Пожалуйста, мамуля! Я только ушко съем, и все – можно?

– Я сдаюсь. Только не ешь слишком много. Скоро обед.

– Хорошо.

Джейн тут же куда-то скрылась. Больше всего она была похожа на щенка, которому вдруг подарили огромную кость. Бернارد посмотрел на Лиз и улыбнулся.

– Просто замечательный ребенок.

Глядя на Джейн, Берни вспоминал, что не все в его жизни идет так уж гладко. Ведь у него не было ни семьи, ни детей...

– Она от вас без ума, – улыбнулась Лиз.

– Кто же устоит против бананового сплита и шоколадного медведя? Для нее я эдакий бостонский Душителъ с мешком, битком набитым шоколадными медведями.

Они тем временем вошли в кухню, и Лиз принялась вытаскивать из пакетов продукты. Вид икры и паштета поверг ее в изумление.

– Берни, зачем все это? Боже... а это, значит... – Она раскрыла коробку с конфетами и в тот же миг стала удивительно похожа на ребенка. Соблазн был слишком велик – предложив конфеты Берни, она сунула один из трюфелей в рот и зажмурилась от удовольствия. – М-м-м... Как вкусно!

Берни невольно залюбовался ею. Хрупкая и стройная, она казалась ему воплощением строгого американского идеала красоты. Сегодня ее длинные светлые волосы были собраны в косу. Глаза Лиз были такими же синими, как ее рубашка; белые шорты подчеркивали стройность длинных ног. Неожиданно для самого себя Берни заметил, что Лиз красит ногти. Других следов косметики – туши или губной помады – он не заметил, да и ногти были пострижены коротко. Она была не просто хорошенькой, но по-настоящему красивой, и при этом в ней не чувствовалось ни грамма фривольности, что особенно нравилось Берни. От ее вида не захватывало дух, нет, но на душе становилось удивительно тепло и покойно. Убрав бутылки с вином, Лиз повернулась к нему с улыбкой.

– Бернанд, вы нас так избалуете... Даже не знаю, что вам и сказать...

– Понимаете, друзья на дороге не валяются... К тому же здесь их у меня особенно нет.

– Вы здесь давно?

– Пять месяцев.

– Вы из Нью-Йорка?

Он утвердительно кивнул.

– Я жил в Нью-Йорке всю жизнь... кроме трех лет, проведенных в Чикаго.

Она достала из холодильника две банки с пивом и одну предложила ему. Чувствовалось, что она заинтригована.

– Я родом именно оттуда. Как это вас туда занесло?

– Испытание огнем. Меня послали в Чикаго для того, чтобы я возглавил тамошний наш филиал... – Он вздохнул и покачал головой. – Теперь, как видите, я здесь.

Он все еще относился к нынешнему своему назначению как к своеобразному наказанию. Впрочем, глядя на Лиз, он забывал об этом. Они были теперь в комнате. Полы этого небольшого домика устилали соломенные маты, стены и полки были украшены бесконечными раковинами и плавниковым деревом. Дом этот мог находиться и в Истгемптоне, и на Огненном острове, и в Малибу... Однако вид из окна был особенным – вдали, на прибрежных холмах, поблескивали на солнце кварталы Сан-Франциско. Лиз жестом предложила ему сесть в кресло, сама же устроилась на диване, подобрав под себя ноги.

– Вам здесь нравится? Я имею в виду Сан-Франциско.

– Иногда. – С ней он не мог кривить душой. – Надо сказать, я город практически не знаю. Все, знаете ли, дела. А вот климат здешний мне нравится. Когда я улетал из Нью-Йорка, шел снег. Прошло всего пять часов, и я попал в весенний город. В этом действительно что-то есть...

– А что же здесь не так? – спросила Лиз, мило улыбнувшись. С ней было очень приятно беседовать, хотелось тут же открыть свою душу... Наверняка она была хорошим другом, но Берни испытывал и чувства иного рода: глядя на то, как она держит голову, как мягко выются ее золотистые волосы, он чувствовал что-то сродни головокружению; хотелось коснуться ее, взять за руку, поцеловать... Он уже почти не слышал ее. – Да, представляю, как вам сейчас одиноко. Первый год со мною было то же самое.

– И вы все же решили остаться? – Он действительно был заинтригован. Он хотел знать о ней все.

– Да. В то время у меня иного выбора не было, как не было и родственников, к которым я могла бы поехать. Когда я перешла на второй курс Северо-Западного университета, мои родители погибли в дорожной катастрофе. – Глаза Лиз затуманились. – После этой истории я стала куда ранимее... Тогда же я и влюбилась... Он был исполнителем главной роли в одной пьесе. Я играла вместе с ним.

Взгляд ее при воспоминании об этом наполнился грустью. Смешно. Она никогда и никому не рассказывала об этом, но почему-то решила поведать свою историю Берни. Они смотрели в окно. Джейн, посадив куклу рядом с собой, играла в песке. Время от времени она махала им ручкой. Лиз с самого начала почему-то решила не лгать Берни – терять ей в любом случае было нечего. Если ему что-то не понравится, он больше не позвонит ей, только и всего. Лучше, если между ними не будет недоговоренностей. Она устала от обычных в таких случаях игр и претензий. Они были не в ее стиле. Она посмотрела в глаза Берни и улыбнулась.

– Я занималась в актерском классе. После того как я похоронила родителей, мы отправились на летние гастроли. Кроме него, у меня никого не было... Я совершенно потеряла голову. Он был красивым и, как мне казалось, благородным парнем... У нас должен был родиться ребенок, и я сказала ему об этом. Он ответил, что жениться на мне может и позже – как раз в это время ему предложили в Голливуде какую-то там роль. Сначала туда приехал он, а потом, вслед за ним, и я... Ехать мне было совершенно некуда, избавляться же от ребенка я категорически отказалась. Вот и поехала вслед за Чендлером, хотя относилась к нему уже иначе. И все же я любила его, мне казалось, что со временем все встанет на место... – Лиз посмотрела в окно – на Джейн. – Я автостопом добралась до Лос-Анджелеса и разыскала Чендлера. Чендлер Скотт... Потом он стал называть себя Чарли Скьяво. Но это ему уже не помогло. Роль он провалил и занимался в основном тем, что искал работу и ухаживал за актрисами. Я устроилась официанткой и, пока могла, работала. За три дня до рождения Джейн мы поженились. И тут – тут Чендлер вдруг исчез. Малышке было уже пять месяцев, когда я увидела его вновь. Он говорил что-то о театре в Орегоне, но я вскоре узнала, что все это время он находился в тюрьме. Я узнала массу интересных вещей... Сначала его арестовали за продажу краденого, потом – за кражу со взломом. Джейн исполнилось девять месяцев, когда он в очередной раз вышел из тюрьмы. Прожил он с нами всего месяц или два. Узнав, что он вновь попал в полицию, я подала на развод и переехала в Сан-Франциско. С тех пор я о нем даже и не слышала. Он был самым настоящим мошенником и одновременно – гениальным актером. Он мог убедить окружающих в чем угодно. Сегодня я бы на эту удочку уже не попала, но тогда... Как все это тяжело... Когда нас развели, я восстановила свою девичью фамилию... Так мы теперь и живем.

Берни поразился, как спокойно Лиз говорит об этом. Будь на ее месте другая, та бы уже выплакала себе глаза. Лиз эта история явно не сломила. Она прекрасно выглядела, и у нее была замечательная дочка.

– Я и Джейн – вот и вся наша семья. И у нас с ней все хорошо.

– А как относится к этому сама Джейн?

Берни хотел понять, что Лиз сказала девочке об отце.

– А никак. Она думает, что ее папа умер. Я сказала ей, что он был замечательным актером, что мы поженились после школы и переехали сюда... А когда ей исполнился год, он вдруг умер. Она не знает всего остального, поэтому это не имеет значения, к тому же мы с ним никогда не встретимся. Бог его знает, где он теперь находится. Думаю, скорее всего в тюрьме. В любом случае, мы его не волнуем – мы его и раньше не волновали. Пусть уж у девочки будут какие-то иллюзии, ничего страшного в этом нет...

– Пожалуй, вы правы.

Она нравилась ему все больше. Он поражался ее отваге и силе. Кто бы мог подумать, глядя на ее хрупкую фигурку и золотистые волосы, что она может быть такой сильной... Она заставила себя начать жизнь сначала, а это совсем непросто, даже если ты живешь в Калифорнии...

– Я работаю учителем. Страховку, полученную за родителей, истратила на то, чтобы приобрести специальность. Училась я по вечерам – на это ушел год. У меня второй класс – дети совершенно замечательные. – Лиз заулыбалась. – Джейн ходит в эту же школу, мне почти ничего не приходится за нее платить. Отчасти поэтому я и стала учителем. Мне хочется дать ей приличное образование.

История была действительно замечательной. Лиз не только не проиграла – она выиграла. Ей было чем гордиться. Что до Чендлера Скотта, то Берни он удивительно напоминал Изабель, с той лишь разницей, что последняя была женщиной и не сидела в тюрьме.

– Несколько лет тому назад нечто подобное произошло и со мной. – Берни тоже решил быть откровенным. – Прекрасная французская манекенщица, я встретил ее в магазине... Она играла со мной целый год, да вот только детей у нас не было... – Он с улыбкой посмотрел на Джейн, бегающую за окном. – Она получила от меня все, что ей тогда было нужно, и, прихватив заодно несколько тысяч долларов и подаренные мне родителями часы, уехала... Ей предложили играть в кино, только и всего... Когда вспоминаешь об этом, становится как-то не по себе, правда? С той поры прошло уже три года. – Он сделал паузу. – И как можно было всего этого не видеть? Как можно быть таким идиотом?

Лиз рассмеялась.

– Хватит об этом! Сказать честно, все это время я жила единственно работой. Я люблю работу, друзей... Но при этом у меня никого нет. – Она пожала плечами. – Мне это не нужно.

Он улыбнулся, глядя на нее. Последние слова Лиз его огорчили.

– Может, мне стоит уйти?

Они засмеялись, и Лиз поспешила на кухню – посмотреть на пирог с заварным кремом, стоявший в духовке.

– У, как пахнет! – восхитился Берни.

– Спасибо. Я люблю готовить.

Она приготовила капустный салат и подала к нему соус так же изящно, как это делал его любимый официант из «21». После этого Лиз приготовила для него «Кровавую Мэри» и, постучав в окно, позвала в комнату Джейн. Та тут же явилась с шоколадным медведем без уха под мышкой. Ее ждал бутерброд с арахисовым маслом и беконом.

– Он тебя все еще слышит, Джейн? – полюбопытствовал Берни.

– Что? – озадаченно переспросила Джейн.

– Уха-то теперь у него нет... Верно?

– А! – Она заулыбалась. – Да. Теперь я съем нос.

– Ну и бедняга. К вечеру он будет выглядеть совсем скверно. Придется привезти тебе другого.

– Правда?!

Лиз продолжала накрывать на стол. Посередине стола стояла ваза с оранжевыми цветами, салфетки тоже были оранжевыми. Серебро и фарфор отличались изысканностью.

– Нам здесь очень нравится, – стала объяснять Лиз. – Прекрасное место для отдыха. Дом принадлежит одной нашей учительнице. Ее муж – архитектор. Он построил дом давным-давно. Каждый год они уезжают на Восток, на Мартас-Вайнъярд, чтобы погостить у ее родителей. Так и получилось, что в это время – а это лучшее время в году – мы стали жить здесь. Правда, Джейн?

Девочка согласно кивнула и улыбнулась Берни.

- А тебе здесь нравится? – спросила она.
- Очень нравится.
- А тебя по дороге не тошнило?

Столь неожиданный оборот застольной беседы рассмешил Берни. Он лишний раз поразился непосредственности и открытости ребенка. Девочка походила на Лиз не только внешне – она была миниатюрной копией своей матери во всем.

- Нет, не тошнило. Когда сидишь за рулем, таких вещей не чувствуешь.
- Мама мне то же самое сказала. Ее никогда не тошнит.
- Джейн...

Лиз строго посмотрела на дочку. Берни наблюдал за ними с удовольствием. Покончив с ленчем, они отправились гулять по берегу – Лиз и Берни шли рядом, Джейн бежала впереди, она искала ракушки. Воспитывать ребенка всегда непросто, подумалось Берни, делать это в одиночку – тяжело вдвойне. И все же Лиз не жаловалась – ее, похоже, устраивала такая жизнь.

Берни стал рассказывать ей о своей работе, о том, как он любит «Вольф», как он учился в университете. Рассказал он и о Шиле, и о том, как та разбила ему сердце... Лишь на обратном пути, когда они уже возвращались к дому, Берни заметил, что Лиз куда ниже его. Ему это тоже понравилось.

- Знаете, у меня такое чувство, будто мы знакомы уже много лет. Смешно, не правда ли? Она улыбнулась в ответ:

- Вы хороший человек. Я это поняла еще там, в магазине.
- Мне приятно это слышать.

Ее мнение было ему, мягко говоря, безразлично.

– По тому, как вы разговаривали с Джейн, можно было понять все. Не зря ведь она потом только о вас и говорила. Словно вы – один из ближайших ее друзей.

- Мне бы хотелось таким быть.

Он посмотрел в глаза Лиз, и та улыбнулась в ответ.

– Смотрите, что я нашла! – Меж ними неведомо откуда возникла Джейн. – Ракушка – настоящий «серебряный доллар»! Она совершенно целая!

– Дай посмотрю. – Он протянул руку, и Джейн положила ему в ладонь круглую белую раковину. – Ей-богу, так оно и есть!

- Как это «ей-богу»?

Берни рассмеялся:

- Это дурацкое выражение, которым иногда пользуются взрослые.
- Вон оно что...

Ответ вполне удовлетворил Джейн.

– Ты нашла отличный «серебряный доллар», – сказал Берни, возвращая девочке раковину. Он вновь встретился глазами с Лиз. – Ну а мне, наверное, пора.

Чего он сейчас не хотел, так это уезжать.

- А вы не хотите остаться на обед? У нас будут гамбургеры.

Ей приходилось считать каждый цент, благодаря этому им удавалось как-то сводить концы с концами. Вначале ей было трудно, но она быстро привыкла к такой жизни. Она сама шила платья для Джейн, сама готовила, сама пекла хлеб. Конечно, ей помогали и друзья – разве иначе она оказалась бы на Стинсон-Бич? Берни подарил Джейн купальники... Она и сама собиралась купить дочери купальные костюмы, но не такие и не столько...

– У меня есть другая идея. – По дороге Берни заметил ресторанчик. – Что, если мы сходим в ресторан? – Тут Берни вспомнил о том, что его одежда оставляет желать лучшего. Он сокрушенно развел руками и добавил: – Как вы считаете, меня пустят в таком виде в «Морской еж»?

Лиз засмеялась:

– Мне ваш вид нравится.

– Ну так что же?

– Мамочка, поехали, пожалуйста! Мамочка!

Лиз не оставалось ничего другого, как только с благодарностью принять приглашение. Она отправила Джейн переодеться и предложила Берни выпить тем временем пива, на что тот ответил отказом.

– Я не большой любитель выпить, – покачал он головой.

Элизабет его ответ понравился. Кого она терпеть не могла, так это пьяниц, заставляющих тебя пить вместе с ними. Именно таким и был Чендлер.

– Есть такие люди – если с ними не выпьешь, так они сразу обижаются.

– Им стыдно пить в одиночку, только и всего.

С ним ей было удивительно легко. Вечер прошел великолепно. «Морской еж» чем-то походил на старинный салун. Створки дверей ни на минуту не останавливались, принимая все новых и новых посетителей – кто-то спешил в бар, кто-то приходил для того, чтобы полакомиться омарами или превосходным жарким. Других ресторанов, как сказала Лиз, в городке не было. Здешнюю кухню оценила и Джейн – она буквально не отрывала глаз от своей тарелки. Впрочем, в столь экстравагантных условиях им доводилось есть нечасто...

По дороге назад Джейн заснула. Берни осторожно перенес ее из машины на кровать, стоящую в маленькой комнатке для гостей, находившейся рядом со спальней Лиз. Так же осторожно – на цыпочках – он и Лиз перешли в гостиную.

– Я в нее прямо влюбился.

Лиз улыбнулась.

– Она наверняка чувствует то же самое. Мы прекрасно провели время.

– Я тоже.

Он медленно направился к двери, хотя в эту минуту больше всего на свете хотел поцеловать Лиз... Берни не стал делать этого, боясь, что она может испугаться – Лиз слишком нравилась ему. Потерять ее значило бы потерять все. Ему казалось, что он снова учится в университете.

– Когда вы вернетесь в город?

– Через две недели. Но почему бы вам не приехать сюда и на той неделе? Добираться несложно, если вы не боитесь дороги, то у вас уйдет на нее минут сорок, не больше. Мы пообедаем пораньше, и вы поедете домой. При желании вы сможете остаться и здесь – вы будете спать в комнате Джейн, а она со мной.

Берни предпочел бы поменяться местами с Джейн, но вслух говорить об этом не стал – эта шутка могла бы стоить ему слишком многого. Джейн была неотъемлемой частью Лиз, и к этому ему предстояло как-то привыкнуть.

– Я бы с удовольствием. Вот только пока не знаю, во сколько я смогу уйти из магазина.

– Когда обычно вы уходите с работы?

Они разговоривали шепотом, чтобы не разбудить Джейн. Берни рассмеялся.

– Между девятью и десятью вечера, но в этом, кроме меня самого, никто не повинен.

И еще – я работаю все семь дней в неделю.

Лиз изумленно уставилась на него.

– Разве так можно жить?!

– У меня нет ничего другого. – Признание это было ужасным. Даже ему самому стало как-то не по себе... Оставалось надеяться, что теперь в его жизни что-то может измениться... – Начиная с той недели я попробую... как-то исправиться. Я позвоню вам.

Она кивнула, очень надеясь на то, что так оно и будет. Заводить новые знакомства всегда трудно – появляются какие-то иллюзии, мечты... И все же с ним ей было легко. Она давно не встречала таких хороших людей. Лиз проводила его до машины.

Кажется, никогда она не видела столько звезд, сколько их было на небе этой ночью. Она перевела взгляд на Берни.

– Все было замечательно, Лиз.

Она оказалась такой откровенной и такой доверчивой... Кто б мог подумать, что она так запросто расскажет ему и о рождении Джейн, и об этом своем Чендлере Скотте. Какие-то вещи лучше знать с самого начала.

– Надеюсь, мы скоро увидимся.

Он нежно взял ее за руку, и она ответила ему легким пожатием.

– Я тоже на это надеюсь. Будьте осторожны на дороге.

Он сел за руль, выглянул в открытое окно и с улыбкой заметил:

– Надеюсь, тошнить меня по пути не будет.

Они засмеялись. Берни вырулил на дорогу и, помахав на прощание рукой, поспешил домой. Все это время он думал только о Лиз и Джейн.

Глава 6

На следующей неделе Берни дважды обедал на Стинсон-Бич: в первый раз – у Лиз, во второй – в «Морском еже». Он приехал к Лиз и в субботу. На сей раз он привез надувной мяч, формочки и сопочки для Джейн, а также несколько игр, в одну из которых – серсо – они и играли на берегу. Привез он и купальник для Лиз – он был таким же голубым, как ее глаза. Выглядела она в нем потрясающе.

– Господи, Берни, разве так можно?

– В чем дело? Манекен, на который он был надет, так походил на тебя, что я не удержался.

Он был в прекрасном настроении. Ему хотелось баловать Лиз еще и потому, что в ее жизни никогда не было ничего подобного.

– Разве можно нас так баловать?

– Почему же и нет?

Смутившаяся было Лиз тут же нашлась и ответила с улыбкой:

– Мы можем к этому привыкнуть, вот почему. Будем стоять около магазина и требовать у тебя всякую всячину. Нам понадобятся и новые купальники, и шоколадные мишки, и икра, и паштеты...

Представив эту сцену, Берни улыбнулся:

– А если я сумею организовать бесперебойное снабжение?

Берни прекрасно понял, что имела в виду Лиз. Она боялась, что в любой момент все может закончиться. Сам он боялся даже думать об этом.

Во время второго его визита Лиз попросила соседскую девочку посидеть с Джейн, и они снова пошли в «Морской еж», но на сей раз уже вдвоем. Им нравились тамошняя кухня и непринужденная атмосфера.

– Надо отдать тебе должное, ты смог понравиться нам обоим, – улыбнулась Лиз, глядя на него через стол.

– Дело в том, что я до сих пор не могу понять, кто из вас мне больше нравится. Вот и приходится ухаживать сразу за обеими.

Лиз засмеялась. Ей было так хорошо с ним! Он был таким добродушным и удачливым, что она не могла не сказать ему об этом. Он был очень легким в общении.

– Удивительно. – Берни улыбнулся. – У меня такая мама, что мне скорее следовало бы подергиваться. Какое уж там благополучие или легкость...

– Такой, как ты говоришь, твоя мать быть не может, – сказала Лиз с улыбкой.

– Ты ее себе не представляешь. Вот подожди... когда-нибудь она сюда все-таки приедет. Жару она ненавидит, но попозже обязательно сюда явится... Ты таких, как она, еще не видела.

Вот уже две недели он не отвечал на телефонные звонки. Уж очень ему не хотелось объяснять матери, где и с кем он проводит свободное время. Скажи он ей, что это женщина с фамилией О'Райли, и мать хватил бы удар. Лиз он об этом предпочитал не говорить. Всему свое время.

– И как давно женаты твои родители?

– Тридцать восемь лет. Папе, по-хорошему, следовало бы вручить какую-нибудь награду. Например, «Пурпурное Сердце».

Лиз рассмеялась.

– Я ведь говорю серьезно. Ты наверняка не встречала таких, как она.

– Мне бы очень хотелось с ней познакомиться.

– Тс-с-с! Разве так можно говорить! – Легко было поверить, что за спиной Берни с топором в руках стоит его мать. – Лиз, смотри, это действительно опасно!

Оба рассмеялись. Говорили они до полуночи. Во время второго своего приезда на Стинсон-Бич Берни поцеловал Лиз. Пару раз их застала с поличным Джейн, но дальше поцелуев дело не шло. Присутствие Джейн смущало Берни – ему не оставалось ничего иного, как ухаживать за Лиз так же, как это делалось в старину. Времени впереди у них было предостаточно, здесь же комнату Джейн отделяла от них лишь тонюсенькая стенка.

В воскресенье Берни вернулся с тем, чтобы помочь Лиз собрать вещи. Подруга уже предупредила ее о том, что пора выезжать, и это значило, что отпуск их окончен. По дороге домой Лиз и Джейн были настроены так мрачно, что Берни не выдержал:

– Послушайте меня – я обращаюсь к вам обеим... Почему бы нам куда-нибудь не прокатиться? Кармел или озеро Тахо, а? Как вам такое предложение? Я ведь нигде не был, вы бы мне все это и показали. Можно поехать и не в одно место.

Лиз и Джейн ответили на это радостными воплями. Уже на следующий день секретарша Берни бронировала три спальни в кондоминиуме на берегу озера Тахо. Они могли провести там уик-энд, прихватив заодно и День труда. Когда вечером он сообщил им об этом, радости их не было предела. Джейн чмокнула его в щеку и отправилась спать. Лиз быстро уложила ее и уже через минуту вновь появилась в своей крохотной гостиной. В квартире была всего одна спальня, там стояла кровать Джейн; Лиз же довольствовалась диваном, стоявшим в гостиной. Берни быстро понял, что ситуация в этом смысле ничуть не изменилась: как и прежде, от девочки их отделяла лишь тонкая стенка.

Лиз смотрела на него как-то странно.

– Послушай, Берни... Я хочу, чтобы ты меня понял правильно... Наверное, нам не следует ехать на озеро Тахо.

Берни изумленно уставился на Лиз:

– Но почему?

– Это слишком хорошо... я знаю, что это звучит странно, но мне кажется, что с Джейн так поступать нельзя... Представь, что будет с нею потом?

– Потом? – В тот же миг Берни понял, что она имеет в виду.

– Потом, когда ты вернешься в Нью-Йорк. – Они сидели на диване друг возле друга, Лиз держала его за руку. – Или когда я надоем тебе. Мы с тобой взрослые люди и понимаем, что так обычно и бывает... Это может случиться через месяц, через неделю или через год...

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Он сказал это еле слышно и тут же поразился собственным словам, прозвучавшим, казалось, помимо его воли. Однако, заглянув в глаза Лиз, он понял, что слова эти сорвались с его языка совсем не случайно.

– Что? Не надо так шутить. – Она поднялась с дивана и стала нервно расхаживать по комнате. – Ты ведь меня совсем не знаешь.

– Нет. Я тебя знаю. Одного взгляда на женщину достаточно для того, чтобы понять – хочешь ты видеть ее или нет... Я же всю жизнь обманывал себя – мол, время покажет, так это или не так... Проходило два месяца, или три, или даже шесть, и всегда оказывалось, что первое впечатление было истинным... Тебя же я полюбил с первого взгляда. Когда я увидел тебя во второй раз, я понял, что лучше тебя нет никого на свете... Для меня было бы счастьем всю жизнь завязывать тебе шнурки или что-то вроде того, не требуя ничего взамен. Так что же ты прикажешь мне делать? Полгода ходить вокруг да около, делая вид, что я хочу получше познакомиться с тобой? Мне это совершенно ни к чему. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. – Он смотрел на нее во все глаза и вдруг понял, что ничего прекраснее этого мгновения в его жизни еще не было. – Ты согласна выйти за меня, Лиз?

Она смотрела на него с улыбкой и казалась сейчас куда моложе своих двадцати семи лет.

– Ты все-таки сумасшедший. Ты это знаешь? Самый настоящий псих. – Лиз чувствовала примерно то же, что и он. Она была от него без ума. – Я не могу выходить за кого-то замуж всего через три недели со времени знакомства... Что подумают люди? Что скажет твоя мама?

Она могла говорить все, что угодно, – Берни чувствовал себя на седьмом небе.

– Слушай. Коль скоро ты не Рахиль Нусбаум и девичья фамилия твоей матери не Шварц и не Гринберг, то все это особого значения уже не имеет.

– Ну да. Попробуй скажи ей, что ты знаком со мной всего три недели.

Лиз подошла к дивану, и Берни вновь посадил ее рядом с собой.

– Я люблю тебя, Элизабет О’Райли, будь ты родственницей самого папы римского или познакомься мы с тобой только вчера. Жизнь и так слишком коротка. Я не хочу тратить время напрасно. Мы не вправе так поступать. – Ему в голову пришла замечательная идея. – Мы сделаем все, как надо. Сначала обручимся. Сегодня первое августа... А поженимся мы месяцев через пять – на Рождество. Если к этому времени ты раздумаешь, тогда, естественно, ничего не произойдет. Как тебе такая идея?

Он уже думал об обручальном кольце, которое он ей купит: в нем будет камешек в пять каратов... или в шесть... или даже в десять... Берни нежно обнял Лиз и заглянул ей в глаза. Она плакала.

– Но ведь мы с тобой еще ни разу... не были вместе...

– С моей стороны это серьезный просчет... Именно на эту тему я и хотел поговорить с тобой. Ты не могла бы подыскать ребенку сиделку? Не подумай, что я плохо отношусь к нашей девочке, дело в другом... Я хочу пригласить тебя к себе...

– Я подумаю на эту тему, – со смехом ответила Лиз. Ничего более невероятного с ней еще не происходило. Он был таким хорошим, он бы всю жизнь заботился о ней и о Джейн, и – это было самое главное – она действительно любила его, пусть они и были знакомы всего три недели... Лиз не терпелось рассказать обо всем своей ближайшей подруге Трейси, работавшей в той же школе, та вот-вот должна была вернуться из отпуска. Когда она уезжала, Лиз была одинокой женщиной, теперь же она была обручена с генеральным управляющим «Вольфа». С ума сойти, да и только. – С девочкой будет кому посидеть.

– Стало быть, мы обручены? – спросил Берни, сияя.

– Выходит, что так.

Сама она в это не могла поверить.

– Что, если свадьба состоится двадцать девятого декабря? Это будет суббота. – Берни работал над составлением планов для магазина и подобные вещи держал в голове. – Мы отпразднуем вместе с Джейн Рождество и проведем наш медовый месяц где-нибудь на Гавайях.

Лиз уже не понимала, на каком свете она находится, хотя знала, что все это – правда... Берни поцеловал Лиз, и она почувствовала, как колотится его сердце... Они были созданы друг для друга...

Глава 7

На поиски сиделки у Лиз ушло два дня. Говоря об этом с Берни, Лиз покраснела, хотя прекрасно понимала, что иного выхода у них попросту не было: что поделаешь, если в ее квартире всего одна спальня? Женщина должна была прийти в семь и согласилась сидеть до часа.

– Я прямо как Золушка, – сказала Лиз с улыбкой.

– Все нормально. Главное – ни о чем не беспокойся.

Берни дал женщине пятидесятидолларовую купюру, Лиз же тем временем пошла пожелать Джейн спокойной ночи.

– Ты уж сегодня как-нибудь приоденься.

– Пояс с резинками?

Она нервничала так, словно была невестой. Берни рассмеялся.

– Не только. Не забудь надеть сверху и платье. Мы зайдем в какой-нибудь ресторан. Ты не против?

Лиз изумленно покачала головой. Ей почему-то казалось, что они поедут прямо к нему. Она страшилась этого и поэтому предложение пойти в ресторан приняла с радостью.

Они поехали в «Звезду», где их ждал столик на двоих. Разговор подействовал на Лиз успокаивающе. Берни рассказывал ей о том, что происходит в магазине, о планах на осень, рекламе и показах мод. «Оперный» показ прошел с огромным успехом, на очереди были другие. Лиз не уставала поражаться тому, что Берни может быть таким серьезным бизнесменом. Он применял принципы здоровой экономики ко всем аспектам работы магазина, что вкупе с его сверхъестественным чутьем позволяло ему делать деньги из ничего – как любил говорить о нем Пол Берман. Теперь Берни нисколько не жалел о том, что согласился поехать в Сан-Франциско. Он планировал пробыть в Калифорнии еще год, что позволило бы им пожить какое-то время вдали от родственников. Потом он и Лиз должны были переехать в Нью-Йорк, к тому времени у них мог бы родиться ребенок... Следовало уже сейчас подумать о школе для Джейн... Впрочем, всего этого он пока не говорил вслух. Берни ограничился тем, что сообщил Лиз о своем намерении рано или поздно переехать в Нью-Йорк. В детали он вдаваться не стал, в любом случае сейчас думать об этом было несколько преждевременно.

– Ты наденешь настоящее свадебное платье?

Ему очень хотелось, чтобы так оно и было. Более того, во время одного из показов Берни уже присмотрел платье, которое должно было понравиться и Лиз.

– Ты действительно этого хочешь? – спросила Лиз, покраснев.

Он кивнул. Они сидели на банкетке друг возле друга, держась за руки. Берни было приятно касаться ее ноги. Лиз была одета в белое шелковое платье, подчеркивавшее ее загар. Обычно распущенные волосы были собраны в узел, ногти покрашены... Берни нежно поцеловал ее в шею.

– Да. Я действительно этого хочу. Просто... так будет правильно, я в этом уверен. В таких случаях себе следует доверять.

Она понимала, что он имеет в виду, однако мысль о столь скором замужестве несколько смущала ее, пусть она и не сомневалась в том, что они поступают правильно.

– Когда-нибудь ты со мной согласишься, – добавил Берни, нежно глядя ей в глаза.

– Знаешь, самое странное то, что и я в этом не сомневаюсь. Я думаю о другом – как это объяснить людям?

– В жизни именно так все и происходит, Лиз. Люди могут прожить вместе десять лет, но потом один из них встречает кого-то и уже через пару дней женится... Настоящее чувство угадывается сразу.

– Я знаю. Я думала о таких вещах... Но никогда не предполагала, что подобное может произойти со мной.

Они улыбнулись друг другу. На обед были поданы утка, салат и суфле. Отобедав, они отправились в бар и заказали шампанское. Им нечего было скрывать друг от друга – они делились мнениями, надеждами, мечтами... У Лиз еще никогда не было такого замечательного вечера. Когда она была с Берни, она забывала и о смерти родителей, и о кошмарных днях, проведенных ею с Чендлером Скоттом, и о бесконечных одиноких месяцах, последовавших за рождением Джейн, когда рядом с нею не было ни одного близкого ей человека. Все это в один миг потеряло значение. Вся ее прошлая жизнь теперь представлялась ей долгим приготовлением к встрече с этим замечательным человеком.

Берни заплатил за шампанское, и они, взяв друг друга за руку, стали подниматься наверх. Она уже хотела было направиться к выходу из отеля, но тут Берни повлек ее к лифту.

– Давай поднимемся наверх, – прошептал он ей на ухо, – только, чур, маме об этом ни слова.

Было уже десять, у них оставалось три часа.

Лифт поднялся на последний этаж. Лиз молча последовала за Берни. Он открыл ключом одну из дверей и пропустил ее в номер. Таких номеров она не видела ни в кино, ни в жизни. Здесь царили два цвета – белый и золотой; стены были обшиты изысканнейшими шелками, старинные вещи поражали красотой и тонкостью работы. На столе, освещенном несколькими свечами, стояли блюда с сыром и фруктами, в серебряном ведерке охлаждалась бутылка шампанского.

Лиз, лишившись дара речи, могла только улыбаться. Берни и на сей раз продумал все до мельчайших деталей.

– Н-да, господин Файн... Вы просто чудо...

– Можешь считать, что это наш медовый месяц. Все должно быть на месте.

Так оно и было. В соседней комнате тоже горели свечи. Берни снял этот номер днем, но прежде, чем привести Лиз, наведаясь сюда еще раз. Горничная сняла с постели покрывало и оставила на кровати прекрасный розовый пеньюар, отделанный перьями марабу, розовые атласные туфельки и розовую ночную рубашку. Лиз заметила их, стоило ей войти во вторую комнату. От неожиданности она вздрогнула. Эти вещи предназначались не для голливудской кинозвезды, но для нее – для Лиз О'Райли из Чикаго.

Она не удержалась и сказала об этом Берни. Он обнял ее и, улыбнувшись, сказал:

– Говоришь, маленькая Лиз О'Райли из Чикаго? Теперь ты будешь называться иначе – маленькая Лиз Файн из Сан-Франциско...

Он жадно поцеловал ее и, сбросив пеньюар на пол, нежно опустил на кровать. За пеньюаром, отделанным перьями марабу, последовали одежды – наконец-то они могли отдаться страсти, снедавшей их все эти три недели. Ни у нее, ни у него в жизни еще не было ничего подобного...

– Ты самая красивая женщина на свете, – прошептал Берни, играя ее золотистыми локонами.

– А ты, Берни Файн, – мужчина, каких свет еще не видел...

Да, такой ночи еще не было ни у него, ни у нее. Когда наконец они отправились в ванную, было уже куда больше часа.

– Так мы никогда до дома не доберемся, – сонно улыбнулась Лиз. Она хотела было позвонить сиделке и предупредить ее о том, что они задержатся, но Берни остановил Лиз, сказав, что он уже побеспокоился об этом.

– Ты что – заплатил ей? – спросила, покраснев, Лиз.

– Совершенно верно, – довольно ответил Берни.

Лиз поцеловала его.

– Берни Файн, ты бы знал, как я тебя люблю...

Он улыбнулся и с тоской подумал о том, что поженятся они только через пять месяцев. Эта мысль ввергла его в грусть, но она же напомнила ему о делах насущных.

– Куда это ты? – удивленно спросила Лиз, глядя на то, как покрытый мыльной пеной Берни направляется к двери.

– Я сейчас вернусь.

Лиз проводила его взглядом. У Берни были широкие плечи и длинные красивые ноги. На ее взгляд, он был сложен идеально. Лиз почувствовала, что ее вновь охватывает желание... Она легла в ванну и, закрыв глаза, стала дожидаться его возвращения. Он вернулся в ту же минуту и, не успев отдать ей того, что принес из комнаты, был уже рядом с нею, чувствуя, что не может противиться зову страсти... Шум, поднятый ими, казалось, вот-вот разбудит весь отель.

– Тише ты, – смеясь прошептала она ему через несколько минут. – Сейчас нас отсюда погонят.

– Ну уж и погонят...

Так хорошо Берни не чувствовал себя давно. Ему не хотелось, чтобы это когда-нибудь кончалось. Никогда у него не было такой женщины, как Лиз, никого он еще не любил так страстно.

– Кстати, я хотел кое-что подарить тебе, но тут ты на меня набросилась...

– Я на тебя набросилась?! Ха!

Она проследила за его взглядом и посмотрела в ту же сторону, ожидая увидеть там еще один пеньюар, или пояс, или... Возле ванны стояла коробочка из-под обуви. Когда Лиз открыла ее, она увидела внутри сверкающие золотом туфли, усыпанные кристаллами горного хрусталя. Она засмеялась, не понимая, что все это значит.

– Это что – туфельки Золушки?

Туфли были достаточно аляповатыми и безвкусными. Берни, посмеиваясь, следил за реакцией Лиз. И тут Лиз заметила, что один из кристаллов лежит немного в сторонке...

– Боже! – воскликнула она, внезапно поняв, что сделал Берни. – Берни, ты сумасшедший! Этого не может быть!

Берни повесил обручальное кольцо с огромным изумрудом на одну из золотистых пряжек. Он молча снял кольцо с булавки и подал его Лиз. У нее затряслись руки, когда она надевала его на палец. В камне было больше восьми карат, его красоте Берни поразился еще в магазине, когда покупал это кольцо.

– О, Берни...

Она прижалась к нему, и он вновь целовал ее и гладил по золотистым волосам. Смыв пену с нее и с себя, он бережно поднял Лиз и отнес ее на кровать... Они вновь занялись любовью, но теперь уже иначе – без прежних нетерпения и пыла, упиваясь друг другом, – казалось, они сошлись в неспешном танце...

Лиз вернулась домой в пять утра. Она выглядела такой бодрой и подтянутой, что можно было подумать, будто она пришла со школьного собрания. Она стала извиняться перед сиделкой за столь позднее возвращение, но та лишь махнула рукой – в любом случае она осталась бы ночевать здесь. Вскоре сиделка ушла, и Лиз осталась одна. Глядя на утреннюю дымку, она предалась сладостным размышлениям о человеке, за которого собиралась выйти замуж. Кто мог ожидать, что ей может так повезти? У нее на руке поблескивал огромный изумруд, в глазах же стояли слезы. Лиз легла в кровать с мыслью о Берни... Она не хотела расставаться с ним ни на минуту.

Глава 8

После того как они вместе с Джейн съездили на Тахо, где каждый спал в своей особой спальне, что вызывало у Лиз горестные чувства, Берни настоял на том, что ей следует выбрать платье, которое она наденет на открытие оперного сезона. Открытие сезона было центральным событием в жизни Сан-Франциско, у них же, помимо прочего, билеты были куплены в ложу. Берни знал, что у Лиз нет платьев, приличествующих такому случаю, он хотел, чтобы она выбрала для себя что-то достойное.

– Все-таки магазин – штука хорошая. Не зря же я там вкалываю по семь дней в неделю.

Естественно, Берни ничего не мог взять бесплатно, но для него и таких, как он, существовала система скидок. Впервые за все время работы в магазине его порадовало это обстоятельство.

Она пошла в магазин и, примерив с дюжину платьев, остановила свой выбор на платье одного итальянского модельера, который чрезвычайно нравился Берни, – оно ниспадало роскошными складками вельвета цвета коньяка, украшенного золотыми бусинками и полудрагоценными камнями. Вначале оно показалось Лиз слишком вычурным – вроде тех заморских туфель, к которым Берни прикрепил ее обручальное кольцо, но стоило ей надеть его, как она тут же оценила его поразительную красоту. Чувствовалось, что модельер увлечен Ренессансом, об этом говорили и глубокое декольте, и свободные рукава, и длинная широкая юбка с небольшим шлейфом, который она могла легко подобрать. Она прошла по примерочной модного салона, чувствуя себя едва ли не королевой; захихикала и гордо выпрямила спину. В тот же миг скрипнула дверь, и знакомый голос спросил:

– Нашла что-нибудь?

Берни пригляделся получше и остолбенел. Он уже видел это платье, когда оно прибыло из Италии, тогда его появление в салоне произвело настоящий фурор. Конечно, оно было очень дорогим, но с учетом скидок стоимость его становилась вполне приемлемой. Берни поразило другое – то, как оно шло Лиз.

– Вот это да! Надо бы тебя показать в этом платье модельеру!

Продавщица, работавшая в зале, улыбнулась. Нечасто увидишь такую красавицу, как Лиз, да еще и в таком платье... Берни чмокнул продавщицу в щечку, и та тут же удалилась, порекомендовав Лиз подобрать к платью туфли. Она прекрасно знала свое дело и была очень тактичным человеком.

– Тебе действительно нравится?

Лиз прошла перед Берни. Глаза ее поблескивали подобно самоцветам, украшавшим платье, смех звенел серебряным колокольчиком. Сердце Берни едва не разрывалось от восторга, ему хотелось поскорее оказаться в опере...

– Не то слово. Оно сшито для тебя, Лиз. Может быть, тебе понравилось что-то еще?

Она засмеялась и тут же, мило покраснев, потупила глаза. Она боялась быть ему в тягость.

– Пожалуй, нет. Я до сих пор не знаю, сколько стоит это... Его я тоже не буду брать.

Она прекрасно понимала, что платье стоит немалых денег – скидка здесь уже не играла особого значения. Ей нравилось примерять платья – и только. В этом смысле Лиз ничем не отличалась от Джейн. Конечно, платье понравилось ей, но...

Берни смотрел на Лиз с улыбкой. Неожиданно ему вспомнилась Изабель Мартен. Как все-таки они были непохожи. Лиз не требовала ничего, той же всегда чего-то хотелось. Берни по-настоящему повезло.

– Миссис О'Райли, в данном случае вы покупателем не являетесь. Платье и, возможно, что-то еще – это подарки от вашего будущего супруга.

– Берни... Я...

Он не дал ей договорить, запечатлев на ее устах поцелуй, и, направившись к двери, добавил:

– Ты бы действительно подобрала себе туфли... Когда выберешь, поднимись ко мне в офис. Сходим пообедаем.

Берни улыбнулся и исчез за дверью. В тот же миг в зале появилась продавщица. Она принесла с собой целый ворох платьев, которые она хотела предложить вниманию Лиз, однако та отказалась даже смотреть их. Она быстро нашла нужные туфли – у них был примерно такой же цвет, как у платья, и украшены они были похожими камешками – с платьем туфли сочетались прекрасно. Крайне довольная собой, Лиз поднялась к Берни. Они вышли из магазина и направились в «Трейдер Викс». Всю дорогу Лиз болтала без умолку – о том, как она выбирала себе туфли, о том, как ей понравилось платье, о том, как Берни ее избаловал. Они обедали не спеша, то и дело смеясь и подшучивая друг над другом. Часа в три Берни пришлось ее отпустить. Лиз должна была забрать Джейн у своей подруги. До начала учебного года оставалось всего несколько дней, пора было подумать и о работе. Но Лиз теперь могла думать только об опере. В пятницу она сделала себе прическу и маникюр и ближе к шести надела на себя волшебное платье, подаренное ей Берни. Осторожно застегнув все застёжки, она посмотрела на свое отражение в зеркале. Аккуратно уложенные волосы были схвачены тончайшей золотистой сеточкой, купленной Лиз во время ее второго набега на «Вольф», из-под тяжелых складок вельветового платья выглядывали носы туфелек. Раздался звонок в дверь, и едва ли не тут же на пороге ее спальни появился разодетый в пух и прах Берни – белый галстук, фрак, накрахмаленная грудь идеально сидевшей на нем английской рубашки, алмазные запонки, доставшиеся ему в наследство от деда, – все это удивительно шло ему.

– Господи, Лиз... – пробормотал Берни и аккуратно поцеловал ее в щеку. – Ты выглядишь бесподобно.

Забывая всеми Джейн так и осталась стоять в дверях, она исподлобья смотрела на взрослых.

– Ты, надеюсь, готова?

Лиз утвердительно кивнула и в тот же миг заметила дочь. Особой радости в ее лице не чувствовалось. Конечно, девочке было приятно, что ее мама стала такой красивой, но то, что Берни стоит так близко к ней, Джейн явно не понравилось. Проблемы такого рода стали занимать Джейн со времени их поездки на озеро Тахо. Лиз понимала, что рано или поздно ей придется поведать дочери о своих планах, но она страшно боялась этого. Вдруг Джейн будет против их женитьбы? Лиз не сомневалась в том, что Берни нравится девочке, но этого было недостаточно. Более того, Джейн считала Берни своим другом, а не другом своей мамы.

– Спокойной ночи, моя хорошая.

Лиз наклонилась, чтобы поцеловать Джейн, но та, зло сверкнув глазами, отвернулась к стенке. Берни на сей раз она не сказала ни слова. Лиз было разволновалась, однако тут же решила взять себя в руки, чтобы не портить этот чудесный вечер.

Вначале они отправились обедать в Музей современного искусства – по этому поводу Берни нанял «Роллс-Ройс». Они тут же оказались в толпе женщин, блиставших нарядами и украшениями, по которой шныряли фоторепортеры. Лиз чувствовала себя здесь в своей тарелке, она гордо шествовала, опираясь на руку Берни, стараясь не обращать внимания на блеск вспышек... Она знала, что фотографировать могут и их – Берни был хорошо известен в Сан-Франциско как управляющий самого роскошного магазина в городе, его знали и многие дамы в дорогих нарядах. Музей украшался на средства местных авторитетов. Повсюду виднелись серебристые и золотистые воздушные шары и выкрашенные золотой краской деревца. Каждого посетителя ждали изящно упакованные подарки – одеколон для мужчин

и флакончик изысканнейших духов для женщин. Глядя на упаковку, можно было смело сказать, что подарки были сделаны магазином «Вольф».

Пробравшись через толпу, они вошли в огромный зал, в котором стояли столики. Лиз с улыбкой посмотрела на Берни, и он взял ее под руку. В тот же момент их вновь сфотографировали.

– Тебе нравится?

Она кивнула. Никогда в жизни она не видела ни таких дорогих платьев, ни такого количества украшений – ими можно было загрузить не одну тачку. Чувствовалось, что все необычайно возбуждены. Все знали, что они являются участниками чего-то важного.

Берни и Лиз сели за один столик с парой из Техаса, с хранителем музея и его супругой, с постоянной посетительницей «Вольфа», пришедшей сюда в сопровождении своего пятого мужа, а также с мэром и его супругой. Публика собралась интересная, разговоры велись легко и непринужденно – говорили о лете, о детях, о путешествиях и о Пласидо Доминго. В этот вечер Доминго прилетел в Сан-Франциско специально для того, чтобы вместе с Ренатой Скотто участвовать в премьере новой постановки «Травиаты». Любители оперы были на седьмом небе от счастья, правда, таковых здесь было совсем немного. Опера в Сан-Франциско – явление скорее не музыкальное, но социальное – великосветская прихоть, не более. Берни слышал об этом с первого дня своего пребывания здесь, но подобные вещи его мало трогали. Достаточно было того, что ему здесь нравилось. К Доминго же и Скотто он относился лишь как к достаточно условной затравке. Опера его никогда не интересовала.

Однако стоило ему оказаться перед зданием Мемориального оперного центра, он понял всю торжественность момента. Фотографов здесь было еще больше – они снимали всех входящих в здание оперы. Собравшуюся на площади толпу сдерживали кордоны полиции. Люди пришли сюда для того, чтобы поглазеть на раздетую театральную публику. Можно было подумать, что ты присутствуешь на церемонии вручения призов Академии, с той лишь разницей, что все смотрят на тебя, а не на Керка Дугласа или Грегори Пека. С этим чувством Берни вошел в двери, пропустив перед собой Лиз, и направился к той лестнице, которая вела к нужной ложе. Свои места они нашли неожиданно легко. Повсюду Берни видел знакомые женские лица – все эти дамы были клиентками «Вольфа». Можно было только радоваться тому, что его платья имели такой успех. И все же платье Лиз и сама Лиз выделялись и здесь. Берни едва сдержался, чтобы не поцеловать ее в щеку, и нежно взял ее за руку. Свет в зале погас. Весь первый акт они так и сидели, держась за руки. Доминго и Скотто превзошли все его ожидания, Берни даже не заметил, когда закончился первый акт. Они отправились в бар, где шампанское текло рекой и неустанно щелкали затворами своих аппаратов фотоаппараты. С начала вечера Лиз сняли раз пятнадцать, но она, казалось, даже не замечала этого. Она держала себя скромно и сдержанно, чувствуя себя рядом с Берни в полной безопасности. Он же был полон решимости защищать ее от чего и от кого угодно.

Берни подал ей бокал с шампанским, и они, неспешно попивая его, стали разглядывать присутствующих. Лиз захихикала.

– Забавно, правда?

Он заулыбался. Действительно, ситуация была крайне забавной. Все присутствующие вели себя так серьезно, что можно было подумать, будто именно здесь и именно сейчас решается их судьба.

– Приятно, когда вдруг можешь оказаться совсем в другой реальности, не так ли, Лиз?

Она улыбнулась и согласно кивнула головой. Завтра утром она отправится на Сэйф-Вэй закупить на неделю продукты для себя и Джейн. А в понедельник она будет стоять возле доски и учить детей правилам сложения.

– Все кажется таким нереальным...

– Чудо оперы, должно быть, состоит и в этом.

Ему нравилось, что в Сан-Франциско относятся к этому событию с таким вниманием, еще больше ему нравилось быть участником этого замечательного действия, тем более что рядом с ним была Лиз. Свет мигнул, и откуда-то издали послышался звонок.

– Нам пора возвращаться.

Они поставили свои бокалы на столик и направились к выходу из бара. Примеру их, однако, не последовал ни один из присутствующих – все как ни в чем не бывало продолжали пить шампанское, болтать и смеяться. Такова уж была здешняя традиция. Бар и всевозможные интриги значили куда больше музыки.

Во время второго акта ложи были наполовину пусты. Начался второй антракт. Берни и Лиз вернулись в переполненный бар. Лиз, подавив зевок, смущенно взглянула на Берни.

– Устала, милая?

– Немножко... Такой длинный вечер.

Оба знали, что это еще не все. После окончания спектакля они должны были отправиться в «Трейдер Викс», в зал, называвшийся «Капитанской каютой». После этого их ждал бал в Сити-Холле. Берни предполагал, что они не смогут вернуться домой раньше трех или четырех часов утра, но понимал, что события, подобные этому, случаются в Сан-Франциско только раз в году.

Спектакль окончился, и они отправились вниз, к ожидавшей их все это время машине. Они устроились на сиденье поуютнее, и автомобиль повез их в «Трейдер Викс». В этот вечер необычная атмосфера царил там. Они пили шампанское и ели икру, суп бонго-бонго и блинчики с грибами. Лиз долго смеялась, когда обнаружила в своем печеньице записку с такими словами: «Он будет любить тебя так же, как ты любишь его».

– Мне это нравится, – сказала Лиз, просяив.

Вечер действительно был необычным. Вскоре в ресторан приехали Доминго, Скотто и их свита. Они сидели за длинным столом, стоявшим в углу, и вели себя крайне шумно. То и дело у знаменитостей просили автографы, и тем это явно нравилось.

– Спасибо тебе за этот прекрасный вечер, любимый, – прошептала Лиз.

– Это еще не все.

Он погладил ее по руке и налил в ее бокал шампанского, хотя она и пыталась робко протестовать.

– Смотри, как бы тебе не пришлось выносить меня отсюда.

– На что, на что, а на это у меня сил хватит, – сказал Берни, глядя ей в глаза.

«Трейдер Викс» они покинули около часа и тут же поспешили на бал. Здесь все было совсем иначе. Публика, которую они видели в музее, театре, баре, ресторане, пришла сюда для того, чтобы снять напряжение вечера и откровенно расслабиться. Здесь себя вели иначе даже журналисты, к этому времени они успели отснять все, что их интересовало. Тем не менее, когда Берни и Лиз закружились в вальсе, вновь защелкали фотоаппараты.

Именно эта фотография и появилась на следующее утро в городских газетах: огромная фотография Лиз и Берни, танцующих вальс в Сити-Холле. Можно было рассмотреть не только платье – видно было и то, как Лиз смотрит на Берни.

– Он тебе действительно так нравится – да, мам? – спросила Джейн во время завтрака, когда Лиз, преодолевая дикую головную боль, пыталась читать свежую газету. Домой она вернулась в половине пятого, однако уснуть так и не смогла. За этот вечер они с Берни выпили четыре или пять бутылок шампанского – от одной мысли о нем Лиз начинало подташнивать. И все же это была самая замечательная ночь в ее жизни.

– Он очень хороший человек. Помимо прочего, он и к тебе очень хорошо относится. – Ничего более умного в голову ей сейчас прийти не могло.

– Я тоже к нему хорошо отношусь.

Джейн сказала это без прежнего энтузиазма. За лето в ее отношении к Берни многое изменилось. Она чувствовала, что происходит что-то по-настоящему серьезное.

– Почему ты так часто с ним видишься?

Лиз оторвала глаза от чашки с кофе и в упор посмотрела на дочь.

– Он мне нравится. – И тут же она решила сказать Джейн все: – Если сказать честно, то я люблю его.

Джейн замерла. Она не до конца понимала значение этих слов, однако что-то в них ей явно не нравилось.

– Я его... люблю, – повторила Лиз упавшим голосом.

– Ну и что? Что из этого?

Джейн хотела было выйти из-за стола, но Лиз остановила ее взглядом.

– Скажи, что тебе не нравится?

– Разве я так сказала?

– Это понятно и без слов. А ты знаешь, что он тебя любит?

– Да? Откуда ты это знаешь? – В глазах Джейн заблестели слезы.

– Он мне сам об этом сказал.

Лиз подошла к дочке. Как много ей нужно было рассказать Джейн... И чем раньше она это сделает, тем будет лучше. Лиз села на диван и посадила Джейн себе на колени.

– Он хочет на нас жениться.

Джейн прижалась к ней и горько зарыдала. Лиз почувствовала, что еще немного – и она тоже заплачет.

– Хорошая моя, я ведь тоже его люблю...

– Но зачем? Зачем нам выходить за него замуж? Разве нам плохо было вдвоем?

– Нет, конечно... Но разве тебе никогда не хотелось, чтобы у нас был папа?

Джейн на миг замолкла, но тут же вновь зашлась слезами.

– Иногда хотелось. Но нам и так хорошо.

Джейн все еще не могла забыть о «своем папе», который был актером, но умер еще до того, как она родилась.

– А мне кажется, что с папой будет лучше.

Джейн презрительно фыркнула:

– Ты будешь спать с ним в одной кровати, и я не смогу приходить к тебе ни в субботу, ни в воскресенье утром.

– Почему это? – Лиз прекрасно понимала, что многое в их жизни изменится и Джейн придется изменить многие свои привычки. – Ты лучше подумай, сколько появится хорошего... Мы будем ходить на море, кататься на машине, плавать на яхте... Подумай, какой хороший он человек!

Джейн кивнула. С этим она не спорила.

– Сказать честно, он мне тоже нравится... Даже с бородой... – Джейн улыбнулась матери сквозь слезы и наконец решилась спросить ее о том, что волновало ее больше всего: – А если ты будешь с ним, ты меня станешь любить?

– Я буду любить тебя всегда. – По щекам Лиз побежали слезы. – Всегда, всегда, всегда.

Глава 9

Джейн и Лиз стали покупать все подряд журналы для новобрачных. К тому времени, когда они отправились в «Вольф» за свадебными нарядами, Джейн уже нисколько не расстраивалась. В детском отделе они провели не меньше часа. Джейн остановила свой выбор на платье из белого вельвета, отороченном розовым атласом, с крошечной розочкой на воротнике. Лиз тоже смогла подобрать себе платье. Когда с покупками было покончено, Берни повез их обедать в «Святой Франциск».

Берман, все это время находившийся в Нью-Йорке, узнал о готовящейся свадьбе уже через неделю. В торговых кругах новости распространяются быстро, тем более что Берни был здесь не последним человеком. Берман, позвонив в Сан-Франциско, даже не пытался скрыть своего изумления.

– Я и не знал, что ты от меня можешь что-то утаивать... Это правда?

Берман говорил шутливым тоном. Берни не оставалось ничего иного, как ответить ему смущенно:

– Не совсем.

– А я вот слышал, что Купидон совершил налет на Западное побережье. Это слухи или это правда?

Берман был рад тому, что у его старинного знакомого все складывается так удачно. Он не знал, кем была его избранница, но ни минуты не сомневался в том, что Берни и здесь сделал правильный выбор.

– Это правда. Я собирался и сам рассказать тебе об этом, Пол.

– Ну что ж, тогда валяй. Кто она? Я знаю только то, что свадебное платье она покупала на четвертом этаже.

Он захохотал. Они жили в крохотном мире, исполненном слухов и сплетен.

– Ее зовут Лиз. Она – учитель второго класса. Родилась в Чикаго и на Северо-Запад отправилась уже в зрелом возрасте. Ей двадцать семь, и у нее есть чудесная пятилетняя дочка по имени Джейн. Мы собираемся пожениться сразу после Рождества.

– Вот и хорошо. А какая у нее фамилия?

– О’Райли.

Пол вновь зашелся смехом. Он был достаточно хорошо знаком с госпожой Файн.

– А как к этому отнеслась твоя мать?

Берни улыбнулся:

– Я еще не говорил ей об этом.

– Ты уж нас извести о том, когда ты это сделаешь. Иначе мы погибнем от звукового удара. Впрочем, может быть, твоя мать стала теперь помягче?

– Я бы этого не сказал.

Берман вновь улыбнулся.

– В любом случае желаю тебе всего самого лучшего. Надеюсь, в следующем месяце ты заедешь сюда вместе с Лиз?

Берни действительно собирался лететь в Нью-Йорк, а оттуда – в Европу. Лиз должна была остаться дома – у нее работа, ей нужно ухаживать за Джейн и, помимо прочего, подыскивать новую квартиру. Они собирались в скором времени переехать в Нью-Йорк, и поэтому покупать жилье не имело смысла.

– У нее слишком много дел. Вы увидите только на нашей свадьбе.

Приглашения уже были заказаны. Берни и Лиз решили, что их свадьба должна быть скромной: пятьдесят-шестьдесят человек гостей, не больше. Устроят обычный обед в каком-

нибудь ресторане, а потом они с Лиз отправятся на Гавайи. Трейси, подруга Лиз по школе, уже пообещала остаться на это время с Джейн.

– Когда, говоришь, у вас свадьба?.. Я постараюсь быть. Да, я полагаю, теперь ты не так рвешься в Нью-Йорк?

Внутри у Берни все похолодело.

– Это еще как сказать... Когда я попаду в Нью-Йорк, я попытаюсь подыскать школу для Джейн. Лиз собиралась заняться тем же весной. – На том конце линии стояло гробовое молчание. Берни нахмурился. – Мы хотим оказаться там не позже сентября.

– Все понятно... Увидимся в Нью-Йорке через несколько недель. Мои поздравления.

Берни какое-то время сидел, уставившись в потолок. Вечером он поведал об этом разговоре Лиз. Он был крайне взволнован.

– Я не я буду, если они заставят меня торчать здесь три года, как это было в Чикаго!

– Попробуй поговорить с ним в Нью-Йорке.

– Конечно же, поговорю.

Разговор этот действительно состоялся, но Пол Берман так и не стал называть конкретных сроков.

– Ты провел там всего несколько месяцев, Берни. Ты должен поднять этот филиал на ноги. Именно из этого мы и должны исходить.

– Магазин работает как часы. А провел я там уже восемь месяцев.

– Магазин работает только пять месяцев. Должен пройти хотя бы еще один год. Неужели ты не понимаешь, как ты нам на этом месте нужен! Тон, который ты сможешь задать, определит работу магазина на многие годы. С работой такого рода можешь справиться только ты.

– Год – это слишком много.

Для Берни так оно и было. Теперь он не мог позволить себе такую роскошь – разбрасываться годами своей жизни.

– Вернемся к этой теме через шесть месяцев.

На этом разговор с Полом и закончился. В этот вечер Берни покинул магазин далеко не в лучшем настроении. Его ждала встреча с родителями. Встретиться они должны были в «Береге басков» – Берни объяснил матери, что в Скарсдейл заехать он просто не успеет. Мать очень хотела увидеть его. Памятуя об этом, Берни купил для нее весьма изящную сумочку от Гуччи – кожа ящерицы цвета беж и замечательная застежка с тигровым глазом. Сумочка была настоящим произведением искусства, и Берни очень надеялся на то, что она понравится его матери. И все же он шел в ресторан с тяжелым сердцем. Стоял один из тех прекрасных октябрьских вечеров, которые случаются в Нью-Йорке пару раз в году. В Сан-Франциско такая погода стоит постоянно и поэтому не кажется такой уж замечательной. Здесь же, в Нью-Йорке, все обстоит иначе.

Город жил своей обычной жизнью – мимо проносились такси, элегантно одетые дамы спешили в рестораны, солидные лимузины везли не менее солидных седоков в театры и на концерты... Берни с тоской подумал о том, что лишен всего этого в течение вот уже восьми месяцев, и лишний раз пожалел о том, что рядом с ним нет Лиз. Он решил, что теперь будет приезжать сюда только вместе с ней. Весеннюю поездку в Нью-Йорк можно будет совершить во время пасхальных каникул.

Он решительно вошел в двери «Берега басков» и только тогда перевел дух – это был особый ресторан, он любил его больше всех прочих. Удивительная роспись на стенах, мягкий приглушенный свет, женщины в черных платьях, украшенных бриллиантами и жемчугами, мужчины в подчеркнуто строгих серых костюмах, от которых так и веет богатством и властью...

Берни перебросился парой фраз с метрдотелем. Его родители были уже здесь – они сидели за столиком на четыре персоны, стоявшим в заднем ряду. Когда Берни подошел к столику, мать простерла к нему руки с таким видом, будто она тонет – лицо ее при этом мгновенно приняло трагическое выражение.

К такого рода приветствиям Берни уже успел привыкнуть, хотя они, как и прежде, чрезвычайно раздражали его.

– Привет, мамуля.

– Это все, что ты можешь сказать своей матери после восьмимесячного отсутствия?

Она согнала супруга с банкетки и села на его место сама – чтобы быть поближе к сыну.

Берни казалось, что весь ресторан смотрит только на них.

– Мы находимся в ресторане, мама. Здесь не место устраивать сцены.

– Это ты называешь «устраивать сцены»?! Ты не видел мать целых восемь месяцев, однако счел возможным толком не здороваться с ней, а потом еще и сказал, что она, мол, устраивает тебе сцены?!

Берни хотелось спрятаться под стол. Мать говорила так громко, что ее слышал весь ресторан.

– Мы виделись в июне, – сказал Берни подчеркнуто тихим голосом. Он понимал, что с мамой лучше не спорить.

– Это было в Сан-Франциско.

– Какая разница?

– Ты постоянно был занят, мы практически не виделись.

Родители приезжали в Сан-Франциско на открытие магазина, и Берни, при всей своей занятости, смог уделить им немало времени – мать это прекрасно помнила.

– Ты выглядишь потрясающе, – сказал Берни, чувствуя, что настало время сменить тему разговора. Отец заказал «Роб-Роя» для матери и виски со льдом для себя. Берни остановил выбор на кире.

– Это еще что такое? – тут же насторожилась мать.

– Я дам тебе попробовать. Это очень легкий напиток. Ты действительно замечательно выглядишь, мама.

Почему-то всегда выходило так, что Берни приходилось разговаривать исключительно с матерью и никогда с отцом, и это его немало огорчало. Можно было подумать, что папашу вообще ничего не интересует, странно было только то, что он не прихватил с собой в «Берег басков» толстых медицинских журналов.

Официант принес напитки. Берни сделал небольшой глоток кира и предложил попробовать его своей матери. Он никак не мог решить, когда лучше завести речь о Лиз – до обеда или после. Если он отложит разговор, мать станет обвинять его в том, что он целый вечер лицемерил. Если же он заговорит об этом сейчас, мать поднимет скандал и испортит вечер и себе, и всем остальным. Первое было безопаснее, второе – честнее. Берни сделал большой глоток кира и решил быть честным.

– У меня есть для тебя хорошая новость, мама.

Голос его предательски задрожал, и мать тут же вперила в него орлиным взором, почувствовав, что речь действительно идет о чем-то серьезном.

– Ты возвращаешься в Нью-Йорк?

Слова эти больно ранили его.

– Пока нет. Когда-нибудь – да. Я говорю о вещах более серьезных.

– Тебя повысили в должности?

Он устало вздохнул. С загадками пора было кончать.

– Я женюсь.

Все разом замерло. Мать, не мигая, смотрела на него. Дар речи вернулся к ней минут через пять. Отец же вообще никак не отреагировал на его слова.

– Может, объяснишь поподробнее?

Берни чувствовал себя так, словно только что признался в совершении немыслимых злодеяний. Странное это чувство разозлило его.

– Она замечательная женщина, мама! Ты ее сразу полюбишь. Ей двадцать семь, и она потрясающе красива. Она – учитель второго класса. – Последней фразой Берни отмел возможные вопросы матери о том, кем работает его избранница – танцовщицей в дискотеке, официанткой или исполнительницей стриптиза. – Да, кстати. У нее есть маленькая дочка по имени Джейн.

– Она разведенная...

– Да. Джейн уже пять лет.

Мать смотрела на него во все глаза, пытаясь понять, что же могло произойти с ее сыном.

– И как давно ты ее знаешь?

– С тех самых пор, как я приехал в Сан-Франциско, – солгал Берни и положил на стол фотографии Лиз и Джейн, сделанные на Стинсон-Бич. Мать тут же передала снимки отцу, который стал восхищаться красотой матери и дочери. Руфь Файн, однако, чувствовала, что здесь что-то не так.

– Почему же ты не познакомил ее с нами в июне?

Мать мастерски владела интонациями: можно было подумать, что у Лиз волчья пасть, или она хромоножка, или она все еще живет с мужем.

– Тогда я ее еще не знал.

– Выходит, вы знакомы всего несколько недель, а ты уже собираешься на ней жениться? – Мать выдержала эффектную паузу и тут же спросила о том, что волновало ее больше всего: – Скажи, она еврейка?

– Нет, не еврейка... – Берни показалось, что еще немного, и его мать упадет в обморок; он едва заметно улыбнулся. – Мама, только не делай такое лицо. Ты ведь знаешь, на белом свете живут не одни только евреи.

– И все же их достаточно, чтобы подыскать себе среди них пару. Скажи, кто она?

Мать это не интересовало, просто она хотела сполна отжаться своему горю... Берни решил сказать ей обо всем до конца.

– Она – католичка. Ее фамилия О'Райли.

– Бог ты мой...

Она прикрыла глаза и разом как-то обмякла. Берни решил, что она таки упала в обморок. Он испуганно повернулся к отцу, но тот еле уловимым жестом руки дал ему понять, что ничего страшного не происходит. Мать тут же открыла глаза и, обращаясь уже к супругу, сказала:

– Ты слышал, что он говорит? Ты понимаешь, что он делает? Он же меня в гроб вогнать хочет! Ему совершенно наплевать на меня!

Она картинно зарыдала и, достав из сумочки платок, принялась вытирать слезы. В тот же миг к их столику подскочил официант, вежливо осведомившийся, будут они обедать или нет.

– Думаю, будем, – подчеркнуто спокойным голосом ответил Берни, чувствуя на себе испепеляющий взгляд матери.

– Как ты можешь сейчас... есть... У матери вот-вот случится сердечный припадок...

– Может быть, все-таки поешь немного супа? – поинтересовался отец.

– Он мне в горло не ползет.

Берни готов был придушить мать.

- Мама, она замечательная женщина. Ты ее полюбишь.
- Ты решил это твердо? – Берни кивнул. – И когда же у вас свадьба?
- Двадцать девятого декабря.

Он сознательно не стал говорить ни слова о Рождестве, но мать, несмотря на это, вновь заплакала.

– Все уже решено, все устроено... Даже дата известна, а я об этом ничего не знаю. И когда только вы все успели? Наверное, ты и в Калифорнию из-за нее поехал...

Мать могла продолжать до бесконечности.

– Я встретил ее уже там.

– Но как? Кто вас мог познакомить? Кто меня так обидел?

К этому времени на столе уже появился суп.

– Я встретился с ней в магазине.

– Да? Может быть, на эскалаторе?

– Ради бога, мама, перестань! – Он ударил кулаком по столу, отчего мать даже подскочила. – Я женюсь. Точка. Мне тридцать пять. Я женюсь на прекрасной женщине. Честно говоря, меня нисколько не интересует, кто она, пусть даже она будет буддисткой. Она прекрасная женщина, хороший человек и любящая мать – мне кажется, этого вполне достаточно!

Он жадно набросился на суп, стараясь не обращать внимания на мать.

– Она в положении?

– Нет.

– Тогда почему вы так спешите со свадьбой? Лучше в таких делах не торопиться.

– Я ждал целых тридцать пять лет. Этого более чем достаточно.

Она вздохнула и мрачно посмотрела на него.

– Ты встречался с ее родителями?

– Нет. Они погибли.

Руфь на мгновение растерялась, но тут же снова взяла себя в руки. Установилось долгое тягостное молчание. Подали кофе. Берни внезапно вспомнил о приготовленном для матери подарке. Он протянул ей коробку, но она отрицательно замотала головой:

– Это не тот вечер, который мне хотелось бы запомнить.

– В любом случае не отказывайся. То, что там лежит, тебе понравится.

Берни почувствовал, что еще немного, и он швырнет коробку матери в лицо. Мать, заметив смену его настроения, едва ли не брезгливо приняла коробку и поставила ее рядом с собой.

– Не понимаю, как ты мог такое сделать...

– Ничего лучше этого я уже не придумал, мама.

Он вздохнул и покачал головой. Будь его мать другим человеком, она бы сейчас радовалась. Он вновь сел на банкетку и сделал глоток кофе.

– Насколько я понимаю, на свадьбе вас не будет.

Мать снова заплакала, пользуясь салфеткой как носовым платком, и, посмотрев на своего супруга, простионала:

– Он не хочет, чтобы мы присутствовали на его свадьбе!

Она зарыдала так, что Берни от стыда готов был провалиться на месте.

– Мама, я этого не говорил. Просто я решил...

– Не надо решать за других! – Мать мгновенно очнулась, но уже в следующую минуту вновь запричитала, обращаясь к мужу: – Как все это могло произойти? Даже в голове не укладывается...

Лу погладил ее по руке и выразительно посмотрел на сына.

– Ей сейчас тяжело, но со временем она к этой мысли привыкнет.

– Ну, а ты как относишься к этому, папа? – Берни посмотрел в глаза отцу. Ему хотелось получить благословение хотя бы от него. – Она – замечательная женщина.

– Надеюсь, ты будешь с ней счастлив. – Отец улыбнулся и вновь погладил Руфь по руке. – А маму нашу я сейчас отвезу домой. У нее сегодня был непростой вечер.

Мать, взглянув на супруга и сына, стала раскрывать коробку с подарком.

– Очень мило, – сказала она, вытащив из коробки сумочку, но тут же, решив, что своим подарком сын пытается компенсировать нанесенный ей моральный ущерб, добавила сухо: – Одно жаль. Бежевый цвет я не люблю.

Берни вздохнул, но решил ничего не говорить в ответ на это заявление матери. Он прекрасно понимал, что в следующий раз увидит ее именно с этой сумочкой.

– Мне очень жаль. А я-то думал, она тебе понравится.

Мать презрительно фыркнула. Берни расплатился, и они поспешили выйти из ресторана. Мать взяла его под руку.

– Когда ты вернешься в Нью-Йорк?

– Не раньше весны. Завтра я улетаю в Европу, а из Парижа полечу сразу в Сан-Франциско.

Он говорил с ней холодно, памятуя о том, как она отреагировала на его признание.

– И ты нисколько не задержишься в Нью-Йорке? – спросила мать еле слышно.

– У меня нет времени. Я должен вернуться в магазин – там должно состояться важное собрание. Увидимся на свадьбе, если, конечно, вы на нее приедете.

Мать приостановилась в дверях.

– Хорошо будет, если ты приедешь на День Благодарения. Такой возможности у нас больше не будет.

Она прошла через вращающиеся двери и приостановилась, дожидаясь Берни.

– Я ведь не в тюрьму собираюсь, мама. Я собираюсь жениться, и только. Надеюсь, в будущем году мы переедем в Нью-Йорк, и тогда все праздники мы будем встречать вместе.

– Ты и эта девица? Как, говоришь, ее зовут?

Мать вопросительно посмотрела на него, сделав вид, что от горя забыла все на свете. Берни, однако, нисколько не сомневался в том, что мать помнит все до малейших деталей – даже то, как «эта девица» выглядит.

– Ее зовут Лиз.

Он поцеловал мать и остановил такси, явно не желая затягивать прощание. Родители должны были ехать за своей машиной, которую они оставили возле отцовского офиса.

– Так ты не приедешь на Благодарение?

Мать стала открывать дверцу с явным намерением выйти из машины, но Берни едва ли не силой вернул ее обратно.

– Я не смогу. Когда вернусь из Парижа – позвоню.

– Я хочу поговорить с тобой о свадьбе.

Мать высунулась в окошко. Водитель, которому все это начинало надоедать, сердито заворчал.

– О чем тут говорить? Свадьба состоится двадцать девятого декабря в синагоге Эмануил. После этого все поедут в небольшой отель в Саусалито. Ей там очень нравится.

Мать хотела было сказать что-то особенно неприятное, но отец, мгновенно отреагировав на это, громко назвал водителю адрес своего офиса.

– Мне нечего надеть, – пискнула мать.

– Приходи в наш магазин, мы что-нибудь для тебя подберем.

И тут вдруг до матери дошел смысл услышанного. Они собирались жениться в синагоге.

– Она согласна пойти в синагогу?

Мать была страшно удивлена. По ее мнению, католики должны были вести себя совершенно иначе. Впрочем, эта девица была разведена, возможно, одновременно с этим ее отлучили и от церкви... Кто их, католиков, знает...

– Да. Она хочет, чтобы все происходило в синагоге. Ты полюбишь ее, мам, вот увидишь.

Он коснулся ее руки, и она улыбнулась ему сквозь слезы.

– Мазел тов! – «Удачи!»

С этими словами мать закрыла окошко, и машина, загрохотав по рытвинам, стала быстро набирать скорость. Берни вздохнул с облегчением. Он таки сделал это.

Глава 10

День Благодарения они отмечали в квартире Лиз вместе с Джейн и ближайшей подружкой Лиз Трейси. Последней было немного за сорок, она была на удивление приятной женщиной. Дети ее выросли и уехали кто куда. Сын учился в Йельском университете, дочь вышла замуж и теперь жила в Филадельфии. Муж Трейси давно умер – со времени его смерти прошло уже четырнадцать лет. Сама она принадлежала к тем сильным, энергичным натурам, которые умудряются сохранять живость и оптимизм несмотря на то, что жизнь часто и больно бьет их. Она выращивала цветы, любила готовить, держала в доме кошек и огромного лабрадора. Жила она в крошечной квартирке в Саусалито. Она подружилась с Лиз, как только та появилась в школе, и не единожды помогала ей и Джейн в те тяжелые первые годы, когда Джейн была совсем малышкой, а у ее матери не было ни гроша. Иногда она даже отпускала Лиз в кино. Никто не был так рад за Лиз, как Трейси. Она согласилась стать ее подружкой на свадьбе, что вполне устраивало и Берни, которому Трейси чрезвычайно нравилась. Высокая и сухощавая, она была родом из штата Вашингтон и никогда не бывала в Нью-Йорке. Трейси носила туфли фирмы «Биркенсток». Приземленная, но добрая, она с трудом понимала Берни, который казался ей слишком сложной натурой, однако считала при этом, что он идеально подходит для Лиз. Берни представлялся ей едва ли не идеальным супругом, примерно таким же, каким в свое время был ее покойный муж. Идеальные пары – вещь редкая. Трейси никогда не встречала людей, похожих на ее мужа, и достаточно быстро поняла, что искать их бессмысленно. Она свыклась со своей нехитрой жизнью в Саусалито – ей хватало учеников и друзей, ничего иного она и не требовала. Трейси потихоньку копила деньги, мечтая как-нибудь съездить к внучке в Филадельфию.

– Может быть, мы поможем ей, Лиз? – спросил однажды Берни. Ему было очень неудобно видеть, как Трейси собирает буквально по грошу, чтобы поехать в Филадельфию, в то время как он разъезжает в дорогом автомобиле, покупает дорогую одежду, дарит Лиз кольцо с камнем в восемь карат, а Джейн – куклу стоимостью четыреста долларов. – А то это как-то несправедливо.

– Вряд ли она согласится...

Ей самой теперь ни о чем не приходилось тревожиться, хотя она и дала себе обещание – не обращаться к Берни ни с какими просьбами, пока они не поженятся. Берни буквально завалил ее самыми фантастическими подарками.

– Давай дадим ей деньги в долг. С этим-то она должна согласиться, верно?

В конце концов он решил покончить с этой проблемой и заговорил на эту тему с самой Трейси. Произошло это в День благодарения – после того, как стол уже был убран, а Лиз отправилась укладывать Джейн. Он и Трейси сидели у камина.

– Не знаю даже, как спросить тебя об этом, Трейси...

Берни знал, что Трейси чрезвычайно горда, и поэтому несколько побаивался этого разговора. Но не поговорить с ней он был просто не вправе.

– Если ты хочешь переспать со мной, то я согласна.

Трейси обладала бесподобным чувством юмора. Выглядела она, несмотря на свой возраст, очень молодо. Чистая свежая кожа, яркие голубые глаза, полные жизни, делали ее похожей на англичанку. Вот только под ногтями у нее постоянно была грязь – Берни заметил это еще при первой их встрече, – поскольку Трейси постоянно копалась в огороде. Она часто приносила им розы, капусту, морковь и помидоры.

– Честно говоря, я хотел поговорить на другую тему...

Он набрал в легкие побольше воздуха и разом объяснил ей все. Когда он закончил говорить, Трейси стояла возле него, обливаясь слезами и сжимая в похолодевших руках его руку.

– Знаешь, если бы речь шла о чем-то другом... платье, машине или доме, я бы тебя прибила на месте... Но мне так хочется увидеть малышку... Я приму твое предложение и займу у тебя эти деньги.

Трейси соглашалась взять деньги только на билет без места. В конце концов Берни это надоело, и он купил ей билет бизнес-класса до Филадельфии и обратно. Она должна была полететь туда за неделю до Рождества и обещала вернуться к двадцать седьмому числу.

Рождество вышло шумным и суматошным. Он привел Джейн в магазин, чтобы она посмотрела на Санта-Клауса. Потом они отпраздновали и Хануку. Но главные их заботы были связаны с переездом в новый дом. Берни переехал туда двадцать третьего, Лиз – двадцать седьмого. В тот же вечер они отправились в аэропорт встречать Трейси. По очереди обняв всех троих, Трейси прослезилась.

– Вы даже себе не представляете, какое это чудо! У нее уже два зуба, и это в пять-то месяцев!

Всю дорогу к их новому дому они подшучивали над Трейси, но та и не думала обижаться, ей не терпелось увидеть их викторианский особнячок, стоявший на Бьюкенене прямо напротив парка, в котором Лиз и Джейн могли гулять после уроков. Это было именно то, что им нужно. Особняк они сняли на год, хотя Берни и надеялся на то, что им удастся уехать из Сан-Франциско значительно раньше.

– Берни, когда прилетят твои родители?

– Завтра вечером. – Он вздохнул. – Все равно что ждать в гости Аггилу.

Трейси рассмеялась. Она была по гроб жизни благодарна ему за эту поездку. Брать же деньги назад Берни наотрез отказался.

– Можно, я буду называть эту тетю бабушкой? – зевнув, поинтересовалась Джейн, когда они расположились в гостиной. Жить всем под одной крышей оказалось не так-то и плохо – по крайней мере, не приходилось разрываться между тремя местами разом.

– Конечно, конечно. Смело зови ее бабушкой, – улыбнувшись, ответил Берни, прекрасно понимавший, что его матери подобное обращение вряд ли понравится. Через какое-то время Трейси выгнала из их гаража свою машину и отправилась домой в Саусалито. Лиз уложила Джейн и поспешила в спальню, где ее уже ждал Берни. Не успела она юркнуть под одеяло и обнять Берни, как рядом с кроватью раздался детский голосок. Это была Джейн. Похлопав Берни по плечу, она сказала:

– Я боюсь.

– Чего?

– У меня под кроватью прячется какое-то чудовище!

– Ну что ты. Этого не может быть. Я весь дом осмотрел, прежде чем мы сюда переехали. Честное слово.

Он попытался придать голосу веселость и живость, хотя чувствовал себя крайне смущенным.

– Значит, оно пришло туда потом! Его грузчики притащили – вот!

Лиз, только теперь появившаяся из-под одеяла, сказала строгим голосом:

– Джейн О’Райли, сию же минуту отправляйтесь в свою кровать!

Девочка вдруг зарыдала и прижалась к Берни:

– Мне страшно!

– Давай я поднимусь наверх с тобой, и мы вместе поищем это твоё чудовище.

Берни было откровенно жаль девочку.

– Только ты иди первым. – Девочка перевела взгляд на мать, но тут же вновь посмотрела на Берни. – Почему ты спишь в маминой кровати до свадьбы? Разве так бывает?

– Понимаешь... Конечно же, обычно так не бывает. Но... иногда... Понимаешь...

Лиз расхохоталась, Джейн же, не обращая на нее никакого внимания, продолжала рассматривать Берни.

– Так мы идем пугать чудище или нет?

Берни вздохнул и встал с кровати. Хорошо еще, что на сей раз он лег спать в своей старой пижаме. В тот же миг Джейн перевела взгляд на мать и спросила:

– Можно поспать у тебя?

Лиз застонала. Откажи она сейчас дочери, и та будет дуться на нее добрых три недели.

– Я отведу ее наверх, – сказала Лиз, собираясь подняться, но Берни остановил ее взглядом.

– Только один разик, – стала канючить Джейн. – Дом ведь новый...

Она посмотрела в глаза Берни и вложила свою крохотную ладошку ему в руку. Кровать, на которой они спали, была огромной, места на ней хватило бы всем.

– Я сдаюсь, – со вздохом сказала Лиз.

В тот же миг Джейн, словно обезьянка, взобралась на кровать и легла между Лиз и Берни.

– Как здорово... – пробормотала она, с улыбкой глядя на своего защитника. Берни не оставалось ничего другого, как рассказывать ей до бесконечности смешные истории о собственном детстве. Лиз давно заснула, а они все говорили и говорили...

Глава 11

Из-за плохой погоды в Нью-Йорке самолет опоздал на двадцать минут. Берни приехал в аэропорт один – Лиз должна была встретиться с его родителями уже в «Хантингтоне». Они собирались отправиться в «Звезду», где прошла их первая ночь и где Берни подарил Лиз обручальное кольцо. Обед Берни заказал заблаговременно. Из Сан-Франциско его родители собирались отправиться в Мексику, его же и Лиз ждала поездка на Гавайи. Провести вечер в узком кругу они могли только сегодня. Мать хотела было прилететь на неделю раньше, но Берни, поглощенный проблемами рождественской торговли и переезда в новую квартиру, уговорил ее не делать этого.

Он смотрел на идущих по трапу пассажиров и вскоре увидел знакомую фигуру. На матери была меховая шапка и новая норковая шуба, она несла дорожную сумку от Луи Вьюиттона, которую Берни подарил ей год назад. Отец был одет в отороченное мехом пальто. Увидев сына, мать заулыбалась и поспешила ему навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.